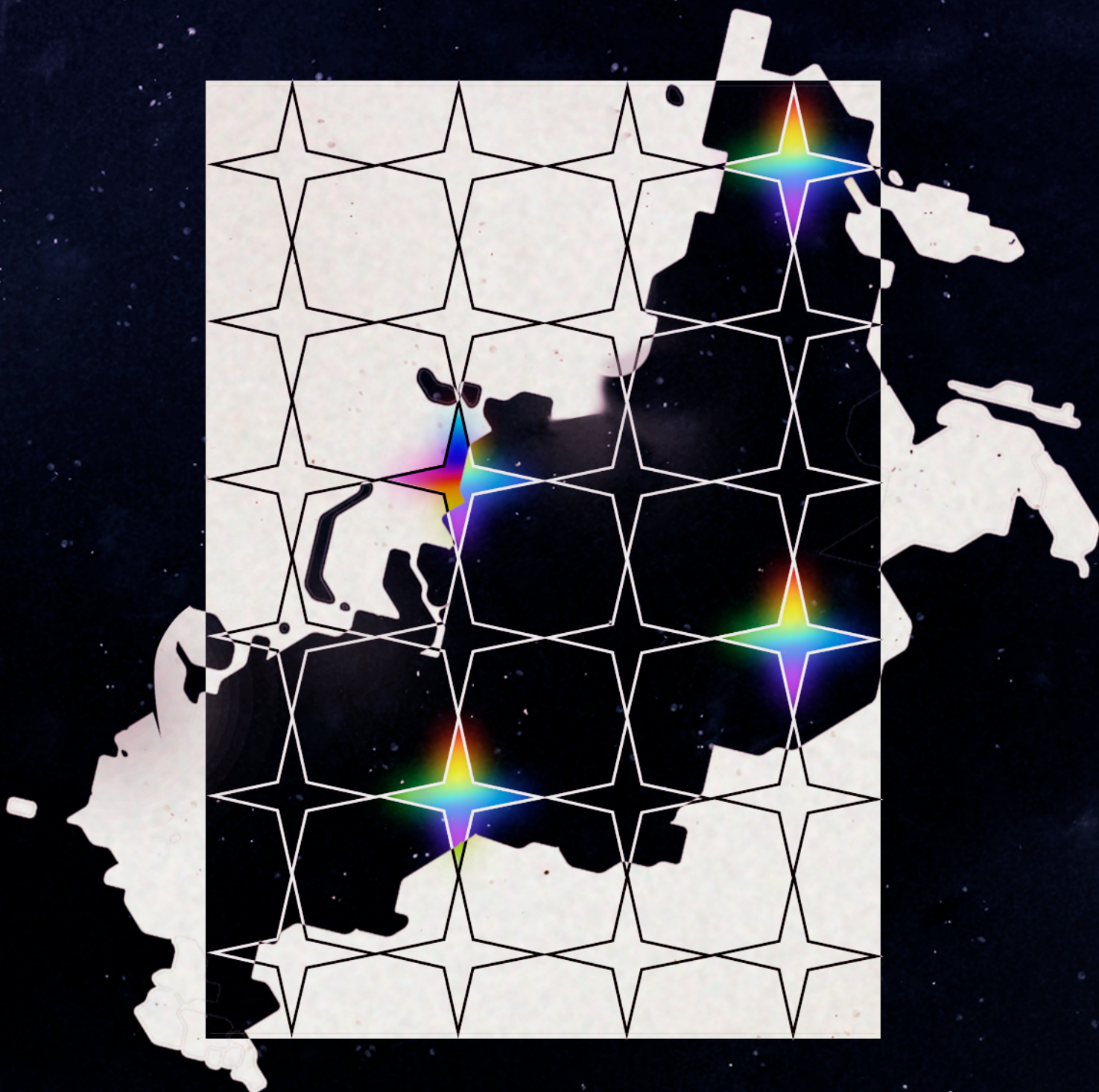

2025

ПОЛОЖЕНИЕ ЛГБТ+ ЛЮДЕЙ В РОССИИ. ОЦЕНКА ПРАВОЗАЩИТНИКОВ

ВЫХОД

сфера

Содержание

Глоссарий	5
Методология	7
Основные изменения 2025 года	8
Региональные особенности: Северный Кавказ	14
Практика применения репрессивного законодательства	17
Полицейские рейды	24
Доносы	27
Насилие на почве ненависти	30
Положение трансгендерных людей	32
Доходы, занятость и образование ЛГБТ+ людей	37
Положение ЛГБТ+ семей и ЛГБТ+ подростков	40
Доступ к информации, цензура и квир-культура	45
Влияние международных политических процессов на ЛГБТ+ людей	51
Состояние правозащитного сектора	55
Прогнозы на 2026 год	62
Заключение	65

ЛГБТК+ группа «Выход»

С 2008 года «Выход» защищает права ЛГБТК+ сообществ и помогает квир-людям спокойнее жить в России.

Наша главная цель — на государственном и общественном уровне добиться равных прав для каждой и каждого вне зависимости от сексуальной ориентации и гендер-ной идентичности.

Наши психологи и юристы бесплатно консультируют ЛГБТК+ людей и их близких. Мы ведём мониторинг дискриминации, чтобы не быть голословными, говоря о положении ЛГБТК+ сообществ в России, а ещё работаем с полицией и судами по делам о дискриминации и насилии. Мы занимаемся просвещением: учим журналистов корректно писать о ЛГБТК+, а врачей, психологов и HR-специалистов — работать с квир-сообществами.

Вся наша помощь бесплатна.

Запишитесь на консультацию

- * [психолога](#)
- * [юриста](#)
- * [карьерного консультанта](#)

Читайте нас в соцсетях

- [@comingoutspb](#)
- [@comingoutspb](#)
- [@comingoutspb](#)
- [@comingoutspb](#)
- [@ComingOutSPb](#)

Пишите нам

 contact@comingoutspb.org

Наш сайт

 comingoutspb.org

Фонд «Сфера»

Фонд «Сфера» — правозащитная организация, существующая с 2011 года. Мы являемся центром помощи и поддержки ЛГБТ+ персон, а также выступаем партнёром для других организаций со схожими целями.

Наша миссия — способствовать созданию в стране условий, в которых люди не будут подвергаться насилию или дискриминации из-за сексуальной или гендерной идентичности.

Обратиться за юридической, психологической или экстренной помощью можно через [наш бот в Telegram](#).

Мы в соцсетях:

 [@spherequeer](#)
 [@spherequeer](#)
 [@spherequeer](#)
 [@spherequeer](#)
 [@SphereFund](#)

Наш сайт:

 spherequeer.org

Глоссарий

Мы считаем, что важно использовать максимально корректную лексику, но понимаем, что не каждый, в чьи руки попадёт этот доклад, в ней ориентируется. Поэтому в самом начале приводим термины и аббревиатуры, которые мы используем в нём и значение которых, на наш взгляд, может быть неочевидным.

Аромантичные люди – люди, которые не испытывают романтического влечения или испытывают его лишь частично.

Асексуальные люди – люди, которые не испытывают сексуального влечения или испытывают его лишь частично.

Аутинг – насильственное раскрытие информации о сексуальной ориентации и/или гендерной идентичности либо о другом стигматизированном признаке без согласия человека.

Бисексуальность – способность испытывать эмоциональное, романтическое и/или сексуальное влечение как к мужчинам, так и к женщинам, не обязательно в равной степени и не обязательно одновременно.

Гендерная дисфория – дискомфорт, связанный с несоответствием между гендерной идентичностью человека и гендерным маркером, приписанным при рождении, а также между гендерной идентичностью и телесностью и/или восприятием гендера человека окружающими.

Гендерная идентичность – то, кем человек себя ощущает, как определяет себя в категориях гендера. Человек может идентифицировать себя в мужском гендере (мальчик, мужчина), женском (девочка, женщина) или альтернативном (небинарный человек). Гендерная идентичность – это внутренне переживаемое ощущение, и потому она не обязательно видна окружающим.

Гендерно-неконформные люди – те, чьё гендерное самовыражение и поведение отличаются от ассоциирующихся с их гендером и не соответствуют сложившимся в обществе стереотипам о том, как должны вести себя мужчины или женщины.

Гендерное самовыражение – выражение человеком разных аспектов гендерной идентичности или гендерной роли через внешность, поведение, выбор одежды и аксессуаров.

Гомосексуальные люди – люди, испытывающие эмоциональное, романтическое и/или сексуальное влечение исключительно или преимущественно к другим людям той же гендерной идентичности.

Деднейм (от англ. *dead name* – «мёртвое имя») – имя, которое трансгендерный человек больше не использует; обычно это имя, данное при рождении. Оно может быть паспортным (то есть указанным в паспорте), а может быть и просто «мёртвым», нигде не указанным, если записи в документах были изменены.

Интерсекс – термин, применяемый для описания опыта человека, рождённого с половыми признаками (включая гениталии, половые железы, репродуктивные органы и набор хромосом), которые не вписываются в типичное определение мужского или женского тела. Интерсекс вариации могут быть заметны при рождении (например, если ребёнок рождается с «нетипичными» гениталиями), проявиться во время полового созревания (когда половое созревание не наступает или проходит не так, как у большинства людей), при попытке забеременеть или позже в жизни. В некоторых случаях люди могут так никогда и не узнать о том, что они интерсексы.

ЛГБТ+ (или ЛГБТК+) – устоявшаяся аббревиатура, включающая в себя лесбиянок, геев, бисексуальных, трансгендерных и квир людей. «Плюс» в этой аббревиатуре используется для обозначения включения и других групп и идентичностей.

Небинарные люди – те, чья идентичность не вписывается в бинарные гендерные рамки (то есть люди, которые не идентифицируют себя полностью ни как женщины, ни как мужчины).

Пансексуальность – способность испытывать эмоциональное, романтическое и/или сексуальное влечение к людям вне зависимости от пола или гендера. Гендер и половые характеристики в построении отношений для пансексуальных людей не играют значимой роли («люблю человека, а не его пол»).

Подставные свидания – преступления с целью грабежа, с которыми чаще всего сталкиваются гомосексуальные и бисексуальные мужчины. Знакомство происходит в интернете, а при личной встрече мужчин начинают шантажировать раскрытием информации об их сексуальной ориентации.

Полиамория – форма этических согласованных немоногамных отношений, в которых участвуют более двух человек.

СОГИ – сексуальная ориентация и гендерная идентичность.

СОГИГС – сексуальная ориентация, гендерная идентичность и гендерное самовыражение.

Трансгендерные люди – люди, чья гендерная идентичность не совпадает с гендерным маркером, приписанным при рождении.

Цисгендерные люди – люди, чья гендерная идентичность совпадает с гендерным маркером, приписанным при рождении.

Методология

Это исследование основано на интервью с различными экспертами, работающими с ЛГБТ+ людьми: правозащитниками, юристами, сотрудниками ЛГБТ+ инициатив, журналистами, исследователями. Мы поговорили с ними об основных событиях 2025 года, затронувших ЛГБТ+ людей, применении репрессивного законодательства и его широких последствиях, уровне насилия и дискриминации на почве гомофобии и трансфобии, анти-ЛГБТ+ цензуре, состоянии правозащитного сектора, а также о влиянии глобальных политических процессов (таких как полномасштабное вторжение России в Украину, правый поворот в США и Европе, миграционная политика в мире) на российских ЛГБТ+ людей.

Мы провели 19 интервью с разными экспертами. Большая часть наших экспертов находилась за пределами России, продолжая работу с российским ЛГБТ+ сообществом и для него на расстоянии, только 5 человек продолжают работать внутри России. Мы стремились поговорить с правозащитниками, работающими с разными темами внутри ЛГБТ+ сообщества и в разных регионах России. Однако люди, находящиеся за пределами России, соглашались на интервью охотнее, их контакты проще было найти. Подпольный или полуподпольный формат работы внутри России накладывал ограничение на нашу возможность поговорить с людьми, продолжающими работу в разных регионах страны. В этом году нам в меньшей степени удалось осветить региональные различия, нежели в прошлом году.

Как и у любого метода исследования, у интервьюирования экспертов есть ограничения. Ответы экспертов могут зависеть от их личного опыта, взглядов и убеждений, что делает результаты субъективными. Мы рассчитываем, что наиболее полную картину положения ЛГБТ+ людей в России можно получить при сопоставлении экспертных оценок между собой, а также с нашими количественными данными, полученными с помощью опроса.

Ради безопасности экспертов, у которых мы взяли интервью, мы указываем имена, названия организаций и места пребывания только с их разрешения. Интервью были полуструктурированными и охватывали следующие темы:

- »»» Общая оценка ситуации в 2025 году (в сравнении с 2024 годом).
- »»» Состояние правозащитного сектора в целом и конкретной инициативы/организации/независимого активиста.
- »»» Практики применения репрессивного законодательства.
- »»» Рейды по клубам и их последствия.
- »»» Доносы на ЛГБТ+ людей.
- »»» Положение трансгендерных людей и последствия запрета трансперехода.

-
- »»» Цензура и состояние квир-культуры.
 - »»» Экономическое положение ЛГБТ+ людей.
 - »»» Дискриминация в сфере труда и образования.
 - »»» Насилие на почве ненависти.
 - »»» Доступ ЛГБТ+ людей к медицине.
 - »»» Положение ЛГБТ+ родителей.
 - »»» Положение ЛГБТ+ подростков.
 - »»» Влияние международных политических процессов (война, правый поворот) на ЛГБТ+ людей.
 - »»» Прогнозы на 2026 год.

Основные изменения 2025 года

Эксперты отмечают ухудшение положения ЛГБТ+ людей в России в 2025 году, отмечая рутинизацию репрессий, формирование практики уголовных преследований, ограничение правосубъектности ЛГБТ+ людей и социальную изоляцию сообщества.

Эксперты описывают переход от шока 2024 года, последовавшего за признанием «международного движения ЛГБТ» экстремистской организацией, к **«рутинизированной катастрофе»**, где постоянные ограничения и преследования стали нормой, а публичные реакции на них ослабли. Это проявляется в привыкании к репрессиям и снижении публичности кейсов преследования.

«Мне кажется, что основная проблема — это рутинизация катастрофы. То есть то, что было ужасом в первые, может быть, год-два, теперь это, так сказать, более-менее рутинизированная катастрофа, как и война».

Дмитрий Дубровский, исследователь

«В 2024 году из-за того, что экстремизм был свежим понятием для квир-комьюнити в России, было много паники, истерики, эмоций, страха и опасений. А 2025 год — это год, когда люди начали, как мне кажется, привыкать к новой репрессивной реальности. Стало меньше публичной реакции. Для меня 2025 год, если его можно охарактеризовать какими-то тегами, — это подполье, тишина, эскапизм и замирание. Мне кажется, “замирание” — самое подходящее слово».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Эксперты, занимающиеся мониторингом новостей, отмечают новую проблему этого года: **отсутствие публичной реакции и публичного освещения влияет на доступ экспертов к данным о нарушении прав ЛГБТ+ людей.**

«Моя основная проблема — в том, что новостей стало меньше за 2025 год, причём ощутимо меньше, и непонятно почему. Я думаю, по ряду причин их стали и меньше писать. Очень часто бывает, что появляется очередной рядовой штраф для онлайн-кинотеатра, например, и о нём уже не очень хотят писать, не очень хотят разбираться, какой там по счёту этот штраф, это уже такая рутинная вещь. Также люди стали бояться об этом рассказывать, и у меня никогда нет уверенности, действительно ли нет новостей, потому что их и не было, или просто потому, что никто о них не рассказал».

Итиль Тёмная, проект «Преступление 6.21»

В 2025 году были вынесены первые уголовные приговоры по делам об экстремизме, начала формироваться практика **уголовного преследования**. Появились дела против ЛГБТ+ активистов.

«В 2025-м году расширилась практика по уголовным преследованиям и закрепились как возможность преследования по сути за идентичность под видом преследования за действия».

К., юристка, «Выход»

«2025 год стал годом, когда ЛГБТ+ сообщество в России стало уходить в подполье, и уже стала формироваться практика привлечения к ответственности с учётом решения Верховного Суда. То есть на настоящий день основной поток решений возбуждённых уголовных дел пришёлся именно на 2025 год. Если в 2024 году это были точечные демонстративные репрессии и

аресты, то 2025 год стал переходом от борьбы с “пропагандой” к полноценному уголовному преследованию именно за участие в экстремистской организации».

Катя, руководительница программы правовой помощи, «Сфера»

«За 2025 год появилось 6 приговоров по экстремистским делам. То есть вообще все приговоры, которые у нас на данный момент есть, появились в 2025 году. Стали заводить дела против активистов, то есть против тех, против кого мы и ожидали, что их будут заводить. Когда Верховный суд принял своё решение о признании “международного общественного движения ЛГБТ” экстремистской организацией, абсолютно все говорили, что это решение именно против людей, не только против активистов так или иначе. Но первые дела появились не против активистов, активистов какое-то время не трогали. Только в 2025 году появились первые дела против них, которые случайными назвать уже нельзя».

Итиль Тёмная, проект «Преступление 6.21»

Кроме того, эксперты отмечают как новую тенденцию 2025 года **преследование книгоиздателей и книжных магазинов** за «ЛГБТ-пропаганду».

«В 2024 году самыми “заштрафованными” были, по сумме штрафов, онлайн-кинотеатры, которых штрафовали за так называемую “ЛГБТ-пропаганду”. А в 2025 году этот поток штрафов не исчез совсем, но он стал явно меньше, и настало время книг и издательств. Я думаю, что одно из появившихся дел против издательства, возможно, будет не единственное, потому что есть такая тенденция, когда в книжные магазины приходят и изымают какие-то книги, обращают внимание после этого и на издательство, которое эти книги издало. Причём это абсолютно законная деятельность. Это книги, которые не входят ни в какие экстремистские списки».

Итиль Тёмная, проект «Преступление 6.21»

Цензура и ограничения доступа к интернет-ресурсам со стороны государства — ещё одна системная проблема, которую подчёркивали эксперты.

«В первую очередь это, конечно же, схлопывание российского интернета, которое сейчас продолжается. В 2025 году именно тренд пошёл такой полномасштабный, когда у людей всё меньше возможности пользоваться различными альтернативными приложениями, ресурсами, платформами для коммуникации,

которые не мессенджер “Макс”. Этот тренд очень тревожащий просто потому, что мы боимся, что в какой-то момент люди потеряют доступ к альтернативной информации, к ресурсам помощи, не только нашим, но и других организаций».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

Эксперты также обращают внимание на **рост насилия и случаев шантажа как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны третьих лиц, включая родственников.**

«Стало больше тяжких преступлений на почве ненависти. Например, в 2025 году зафиксировано 7 тяжких преступлений на почве ненависти. И при этом в двух случаях правоохранительные органы вообще не отреагировали. Речь идёт не об уличных побоях, а об убийствах, похищениях, ограблениях. Превышение должностных полномочий с применением насилия по мотивам СОГИ. Задokumentировано три убийства. По одному из них вообще нет информации о том, что какое-то расследование велось бы. Имело место одно покушение на убийство по мотивам СОГИ. Если брать тяжкие истории, то их стало больше на единицы. Но в силу их тяжести это заметно».

К., юристка, «Выход»

«Очень сильно возросли случаи мошенничества, шантажа по отношению к ЛГБТ+ людям. Подставных свиданий стало гораздо больше. Уже сами родственники и друзья друг друга шантажируют, вымогают деньги, потому что уверены, что этот человек никуда не пойдёт, потому что он напуган, и вот таких случаев стало прямо очень много».

Регина Дзугкоева, Дальний Восток

В целом эксперты отмечают последовательный **рост давления на ЛГБТ+ людей** в России, начиная с 2022 года, что оценивается как ожидаемая тенденция.

«Мне кажется, 2025 год был годом противостояния. С каждым годом усиливается давление на ЛГБТ+ людей. Растёт число штрафов, растёт число уголовных дел, растёт число обвинений, сокращается репрезентация в культуре. Те тенденции, которые начались в 2022 году с полного запрета “ЛГБТ-пропаганды” и усилились при обозначении сообщества экстремистским, продолжают нарастать.

В данную минуту, кажется, что ничего принципиально нового не произошло».

Роман Поляков, проект «Queerorama»

Усиление давления и репрессий приводит к **социальной изоляции ЛГБТ+ людей и психологическим последствиям**: хронический стресс, тревога, выгорание, истощение.

«Я думаю, что мы через какое-то время увидим последствия так называемого стресса меньшинства и роста ментальных заболеваний среди сообществ в России».

Наталья Д., ЮФО, гражданская активистка

«Мы можем видеть, что стало гораздо больше случаев в 2025 году, когда люди, например, обращаются к нам за помощью и потом пропадают. И мы не знаем, что дальше с ними происходит. Может быть, они решили свою ситуацию, может, у них просто нет ментальных сил дальше обращаться за помощью, и они просто закрылись в своём мирке и надеются, что всё это пройдёт. Может быть, с ними что-то случилось плохое, но так как у нас нет никакой больше о них информации, мы не можем никак им тоже помочь, потому что они просто пропали со связи. Таких случаев стало гораздо больше именно в обращениях к нам за помощью, когда как будто бы у людей просто нет сил, либо нет даже физической возможности, если они оказались в опасности, дальше получать помощь. Особенно мы такое наблюдаем в психологической службе. Ощущение, что у людей просто как будто даже уже нет сил заботиться о своём ментальном состоянии. Настолько им плохо».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

В то же время, несмотря на ухудшение ситуации, некоторые эксперты отмечают, что по-прежнему **появляются новые низовые инициативы**, у людей есть желание вовлекаться в активистскую деятельность, продолжать сопротивление.

«Новые люди. Новые инициативы. Новые попытки всё-таки как-то сопротивляться. Новые идеи. То есть люди не сдаются. Они хотят заниматься активизмом».

Регина Дзугкоева, Дальний Восток

«Я абсолютно уверена, что низовые инициативы есть, и да, их должно становиться больше. Когда нельзя собираться открыто,

люди собираются закрыто. Когда нет никакого активизма, люди собираются чаю попить. Это тоже активизм, потому что в нашей жизни это формат сопротивления. Даже люди могут и сами это активизмом не называть, но это самое терапевтическое действие сейчас, которое бы они не делали в другой, более свободной реальности».

Итиль Тёмная, проект «Преступление 6.21»

Одним из самых распространённых запросов людей, обращающихся в ЛГБТ+ организации, остаётся **запрос на помощь с отъездом из страны**. В то же время некоторые эксперты подчёркивают, что люди, приходящие с подобными запросами, стали более информированными.

«Самый частый запрос — это эмиграция. Запросы на эмиграцию, кстати, стали интересными, они стали гораздо более квалифицированными. То есть гораздо меньше стало обращений, как нам вообще уехать. Гораздо больше стало обращений о том, что есть какие-то сложности с отъездом, как их решить. Самообразование какое-то в этой сфере есть уже».

К., юристка, «Выход»

Кроме того, эксперты отмечают, что в условиях сжимающегося публичного пространства, закрывающихся квир-френдли заведений у ЛГБТ+ людей в России есть большой **запрос на пространства для общения**.

«Так как закрылись многие заметные комьюнити-центры, какие-то площадки, которые были приветливы к квир-людям, часть социальных связей порушилась из-за того, что часть [людей] уехала, часть осталась, и это тоже большой отпечаток накладывает на оставшихся. И нужны какие-то места, социальные точки притяжения, где бы они могли безопасно для себя собираться».

Татьяна Калинина, экспертка в области защиты прав женщин и квир-людей

«Это история с чатами, это история сообщества, это история о том, что люди боятся, не хотят оставаться один на один с этим всем, и поэтому ищут союзников».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

Одновременно эксперты отмечают, что **правозащитный сектор находится в кризисном состоянии**: сокращение финансирования приводит к сокращению или закрытию программ помощи (в частности — программ экстренной помощи).

«“Благодаря” Дональду Трампу очень много организаций сократили свою поддержку, либо прекратили свою поддержку. Это продолжается в 2026-м году. Становится сложно ответить людям, которые спрашивают, а куда можно обратиться, кто им может помочь. И сидишь и думаешь, а кто, правда, может помочь, когда у всех нет денег на работу. Вот это основное, что в 2025-м году поменялось. Усталость — вот что добавилось, и нехватка ресурсов».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

Таким образом, 2025 год описывается экспертами как период закрепления репрессивной системы и адаптации сообщества к ней. Давление на ЛГБТ+ людей стало повседневной нормой: уголовное преследование оформилось как практика, публичная жизнь ушла в тень, а страх и самоограничение стали базовой стратегией выживания. На этом фоне сообщество одновременно атомизируется и ищет новые, менее заметные формы связи и поддержки.

Региональные особенности: Северный Кавказ

В этом году нам удалось собрать данные только о специфике положения ЛГБТ+ людей на Северном Кавказе, другие регионы, к сожалению, не получили должного освещения в корпусе наших данных.

Как мы уже отмечали в исследованиях прошлых лет (2024, 2023), Северный Кавказ представляет собой пространство усиленной социальной нормативности, где контроль над сексуальностью и гендером осуществляется не только государством, но и семьёй, а также религиозными институтами.

Среди особенностей, которые в этом году подчеркнула Люся Штейн, сотрудница «СК СОС», организации, помогающей ЛГБТ+ людям и женщинам, пострадавшим от насилия на Северном Кавказе, есть **специфика доноительства**. Если в других регионах доносы стали инструментом шантажа и социального контроля, то на Северном Кавказе доносы являются результатом насильственных признаний тех, кто попал в руки силовиков:

«Донос у нас чаще всего фигурирует как под пытками данные показания на другого человека. Это задержания по цепочке, когда на подставном свидании, допустим, человека ловят и потом вынуждают его сообщить, с кем он встречался или о ком ему известно. Или его заставляют участвовать как наживку, условно, в этих подставных свиданиях. Чтобы намеренно кто-то на кого-то доносил среди родственников... скорее, так не происходит, потому что это позор семьи, который обычно самостоятельно не выносится никуда, а решается внутри семьи».

О практиках **конверсионной терапии** эксперты рассказывали преимущественно в контексте Северного Кавказа.

«Очень много таких историй преимущественно на Северном Кавказе. Это различные либо лечебные центры в разных республиках (Дагестан, Чечня, Ингушетия, Северная Осетия). Либо родственники вызывают своим детям имамов, которые изгоняют так называемых джиннов. И совершают какие-то ещё обряды, заставляют пить травы, например. То есть на Кавказе этого очень много. Хотя я также знаю людей, которые сталкивались с этим и в центральной части России».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Люся Штейн описывает практики конверсионной терапии, характерные для Северного Кавказа, подробнее: Таким образом, конверсионные практики на

«Есть два основных варианта. Это либо религиозная конверсионная терапия, когда водят человека к мулле. Эта практика применяется не только к квир-людям, а вообще к любым несоответствующим нормам, не соблюдающим адаты, пытающимся отказаться от ислама. Гендерное самовыражение тоже сюда попадает, даже если человек не гомосексуальный, например, но как-то нетрадиционно выглядит. Водят к мулле и там [делают] всякие практики изгнания джиннов, бьют палкой, читают Коран и всё такое. И есть ещё реабилитационные центры, которые работают под видом лечения алкоголизма, наркомании и так далее. Может, кто-то там действительно от этого лечится, но мне кажется, у них не всегда есть медицинская лицензия. По сути это пытки». «В психологическую службу обращаются с ПТСР обычно.

Северном Кавказе представляют собой устойчивую форму насильственного «исправления» сексуальной ориентации и гендерной идентичности, встроенную в религиозные и псевдомедицинские институты.

Ещё одна важная специфика благополучателей из Северного Кавказа — особый **запрос на психологическую помощь**. Как говорит Люся Штейн: В то же время

То есть обычно это люди, пережившие насилие физическое, пытки, ограничение свободы. Но чаще на самом деле они не обращаются за психологической помощью сами. Кто-то обращается, но это исключение. Чаще мы предлагаем психологическую помощь тем, кто к нам обращается за другими вещами».

основной запрос на Северном Кавказе не отличается от самого популярного запроса благополучателей квир-организаций по всей стране: **«Основной запрос — это уехать»**.

Важная новая тенденция 2025 года, на которую обращает внимание Люся Штейн, — **насилие в отношении ЛГБТ+ людей и женщин с Северного Кавказа выходит за пределы региона и приобретает трансграничный характер**:

«С обеспечением безопасности за границей тоже достаточно проблемно, и вот у нас было в прошлом году, получается, два убийства женщин. В Грузии женщину похитили, убили в Чечне, вторую женщину убили в Армении¹. Мы считаем это именно трансграничными преследованиями и ведём об этом диалог с этими странами. Потому что власти этих стран к этому относятся как к каким-то внутрисемейным или диаспоральным беженским разборкам, а тут важно понимать, как это устроено. По сути актором преследования является государство, потому что это не какая-то самодеятельность частных лиц, это власти чеченские, как минимум, призывают, подстрекают, а то и являются заказчиками таких преследований, особенно женщин-беглянок с Северного Кавказа, и есть системность, то есть это последовательная политика властей. Поэтому мы считаем, что это является именно трансграничным преследованием».

¹ В октябре 2025 года 23-летняя уроженка Чечни Айшат Баймурадова, бежавшая с помощью правозащитников от домашнего насилия, была убита в Ереване. В ноябре 2025 года 33-летняя Алия Оздамирова была насильно или обманом вывезена из Грузии, куда она сбежала при поддержке правозащитных организаций, обратно в Россию, и через несколько дней стало известно о её смерти.

Таким образом, насилие в отношении ЛГБТ+ людей и женщин с Северного Кавказа за пределами России должно рассматриваться не как отдельные криминальные эпизоды или «частные конфликты», а как **системная форма преследования**, в которой ключевым актором выступают государственные структуры региона, координирующие или иницирующие насилие за пределами России.

Таким образом, Северный Кавказ в 2025 году по-прежнему выступает как наиболее специфический и наиболее репрессивный регион в рамках доступных данных, где контроль над ЛГБТ+ людьми осуществляется одновременно через государственные практики насилия, семейное принуждение и религиозные институты. При этом фиксируется новая тенденция трансграничного преследования, указывающая на расширение географии насилия и сохранение роли государственных структур региона как центрального актора этой системы.

Практика применения репрессивного законодательства

Практика применения репрессивного законодательства в отношении ЛГБТ+ людей в 2025 году характеризуется не столько появлением новых норм, сколько изменением способов их использования. Экспертные интервью показывают, что **правоприменение носит выборочный, непредсказуемый и расширительный характер**.

Ключевая характеристика правоприменения — произвольность и размытость правовых категорий. Эксперты подчёркивают, что **граница между «пропагандой» и «экстремизмом» фактически отсутствует и определяется ситуативно** силовиками. Это создаёт ситуацию правовой неопределённости и расширяет возможности давления.

Эксперты подчёркивают, что граница между «пропагандой» и «экстремизмом» фактически отсутствует и определяется ситуативно силовиками. Одни и те же действия могут квалифицироваться по-разному, причём может происходить эскалация: дело начинается как преследование за «ЛГБТ-пропаганду», но

затем может поменяться на «распространение экстремистской символики». Это создаёт ситуацию правовой неопределённости и расширяет возможности давления.

Привлечение к ответственности за распространение экстремистской символики по статье 20.3 КоАП РФ в 2025 году стало стабильно сочетаться с одновременным преследованием за «ЛГБТ-пропаганду» по статье 6.21 КоАП:

«Хотя мы всё ещё наблюдаем по нашей статистике, что больше всего именно так называемых кейсов “ЛГБТ-пропаганды”, при этом существует, я бы сказала, очень тонкая грань между “ЛГБТ-пропагандой” и “ЛГБТ-экстремизмом”, именно административными статьями по “ЛГБТ-экстремизму”. То, что может начаться как дело по пропаганде, например, нашли какую-то фотографию, [сделанную] 10 лет назад, потом может превратиться в экстремизм, то есть демонстрацию экстремистской символики. И таким образом вот эта грань достаточно эфемерная. Я не уверена, что сами представители органов её понимают, видят. Ощущение иногда, что они применяют как хотят. Также мы не так часто, но всё-таки видим, что дела могут друг на друга накладываться. Или просто есть угрозы со стороны представителей органов, опять же, мол, “если ты то не сделаешь или в этом не признаешься, мы тебе добавим ещё вот эту статью”».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

Вместе с тем провести чёткую грань между тем, где заканчивается «ЛГБТ-пропаганда» как административное правонарушение и начинается «участие в деятельности экстремистской организации» как уголовное преступление невозможно, поскольку одни и те же действия в некоторых случаях квалифицируются как «ЛГБТ-пропаганда», в некоторых случаях вообще не приводят к возбуждению какого-либо дела, а в единичных случаях влекут за собой уголовное преследование и приговор к лишению свободы.

«Это решение принадлежит силовикам. Как они увидят пропаганду или экстремизм, так и будет. Мне кажется, это абсолютно интуитивная история, а граница очень зыбкая. Всё зависит непосредственно от сотрудников правоохранительных органов, которые занимаются тем или иным делом, ведут того или иного человека».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Эксперты отмечают, что в 2025 году под «экстремистскую деятельность» на практике часто подпадает организация **квир-мероприятий**: от крупных мероприятий в клубах до частных домашних вечеринок. В этом контексте правоприменение выполняет не только карательную, но и демонстративную функцию, закрепляя представление о том, что любое публичное или полупубличное проявление ЛГБТ+ людей может быть квалифицировано как экстремизм.

«Абсолютно точно они считают любую организацию любых квир-вечеринок, даже домашних, экстремистской деятельностью. Мы видим, что в Ульяновске это были прям домашние вечеринки, они большие были, но это не был даже клуб, это было в какой-то квартире. Вот это главный паттерн, что люди, работающие в сфере развлечений для ЛГБТ, в большой-большой опасности».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

«И из того, что я могу сказать за 2025 год именно по экстремизму, стало понятно, что власти, скорее, преследуют задачу продемонстрировать, что вот есть решение Верховного Суда, и после этого решения любая публичная деятельность, например, организация секс-вечеринок, гей-клуб и ещё что-то, может быть приравнена к экстремистской работе».

Владимир, юрист, Москва

Первый известный приговор по делу об «ЛГБТ-экстремизме» вынесли 19 февраля 2025 года уже осуждённому заключённому: ему добавили 6 лет колонии якобы за попытки вовлекать других в деятельность признанного экстремистским «международного движения ЛГБТ».

Юристка «Выхода» комментирует это решение так:

«Человек находится в условиях строгого режима, доступа к распространению информации он лишён, интернета у него нет. Публичную деятельность, организационную или информационную, он вести не может. Он отбывает наказание за какие-то сексуализированные действия в отношении несовершеннолетних. То есть понятно, что его статус в местах лишения свободы не такой, что он может навязывать какую-то идеологию окружающим. И поэтому, с одной стороны, мы не знаем, как именно он мог вовлекать других осуждённых в деятельность экстремистской организации, как и в чём это могло выражаться. А с другой стороны, мы понимаем просто по контексту, что это ни в чём не могло выражаться. Это не мог быть активизм, не могла

быть организационная деятельность. Всё, что могло быть, это проявление СОГИ в условиях лишения свободы. В данном случае, по сути дела, это выглядит так, что лицо находилось внутри репрессивной системы, которая воспроизводила сама в себе те дискриминационные практики, которые есть в обществе. И это лицо привлечено к дополнительной уголовной ответственности внутри этой же системы, которая производит дискриминацию и насилие. И в данном случае, поскольку он не мог никак это проявлять, кроме как через самовыражение, то, даже не имея материалов дела, не имея приговора, очевидно, что это приговор за самовыражение и ничто другое».

Таким образом, этот кейс демонстрирует предельное расширение практики применения экстремистского законодательства: даже в условиях полной изоляции, где невозможна ни публичная, ни организационная деятельность, основанием для преследования фактически становится само выражение сексуальной ориентации. При этом СОГИ в подобных делах фактически превращаются в инструмент самой репрессивной системы: для неё оказывается несущественным, обладает ли человек действительности негетеронормативной идентичностью или нет, поскольку решающим становится не идентичность как таковая, а уязвимый статус человека внутри тюремной иерархии и возможность использовать этот статус для дополнительного преследования.

Важная новая тенденция прошедшего года — **расширение правоприменения антиэкстремистского законодательства в частной и онлайн-сфере жизни**. В 2025 году фиксируются дела по «ЛГБТ-экстремизму» за сообщения в закрытых чатах и комментарии в «Телеграме».

К. подробно описывает каждый кейс и комментирует его последствия:

«Дело Павла Иванюка. В феврале 2025-го возбуждено, в сентябре 2025-го вынесли приговор. Получил два года условно. Что ему было предъявлено? Он участвовал в деятельности экстремистской организации. Почему? В мессенджере “Телеграм” была какая-то группа, которую создал не он сам, и Павел разместил там материалы с призывами к ЛГБТ+ персонам бороться за свои права и организовывал у себя дома встречи для мужчин. Именно эти действия были квалифицированы как участие в деятельности экстремистской организации. С призывами всё ещё более или менее понятно, но организация у себя дома встречи — это абсолютно частное действие. Это воспроизводит модель расширительного правоприменения. Когда уголовно значимо не наличие какой-то организационной структуры или реальной деятельности, той, которую государство может посчитать экстремистской, а просто

совокупность каких-то социальных практик, интерпретируемых как форма участия в деятельности “международного движения [ЛГБТ]”.

Комментарии в “Телеграме”. Два года и шесть месяцев с отбыванием в колонии общего режима. Возбуждено в феврале 2025-го, приговор — в декабре 2025-го. Человек размещал комментарии в “Телеграме”, из которых просто следовало его СОГИ. Что сказал суд? Что человек размещал комментарии, в которых распространял идеи, не соответствующие духовно-нравственным ценностям российского общества. Ответственность на него возложена не за создание этой площадки, не за то, что он организовывал эту деятельность, а за то, что он там просто участвовал в обсуждении. Конкретных цитат нет, дело засекречено. И понять другим людям, всё-таки в каком месте у них начинается уголовная ответственность, невозможно».

Оба эти кейса демонстрируют, что в 2025 году преследование по делам об «экстремизме» стало распространяться на повседневные и частные формы коммуникации: от обсуждений в мессенджерах до встреч в личном пространстве. При этом границы наказуемого размыты: **ответственность может наступать не за организацию или руководство, а за высказывания или даже сам факт участия в коммуникации**. В результате формируется ситуация правовой неопределённости, в которой любое выражение идентичности или взаимодействие внутри сообщества в приватной или онлайн-среде может быть интерпретировано как экстремистская деятельность.

Эксперты также отмечают избирательное применение общеуголовных статей по отношению к ЛГБТ+ людям, например, привлечение к ответственности за распространение порнографических материалов. О появлении таких кейсов подробно рассказывалось в исследовании прошлого года: обмен интимными фотографиями в личной переписке двух мужчин суд расценивал как распространение порнографии. Такие прецеденты создали почву для **шантажа** ЛГБТ+ людей: угрозы привлечь к ответственности по экстремистским статьям или каким-либо смежным становятся **рычагом давления**.

«Больше стало случаев онлайн-преследования: это травля, шантаж. Получило больше распространения то, что я бы назвала “подставными свиданиями онлайн”, когда достаточно, чтобы человек отправил фотографию, например, и это уже используется для угрозы последующим уголовным преследованием и вымогательства. Потому что расширился набор угроз, которые можно использовать для давления. Если раньше это был только

аутинг, сейчас это угроза возбуждения уголовных дел по экстремистским статьям и главное — по статье о распространении порнографических материалов. То есть появление вот этих общеуголовных статей, которые теперь применяются избирательно именно в отношении ЛГБТ+ персон, очень сильно влияет на ситуацию».

К., юристка, «Выход»

Ещё одна проблема, о которой говорят эксперты, — это **невозможность для ЛГБТ+ людей получить защиту от правоохранительных органов**. Эксперты описывают ситуации, когда жертвы преступлений сами становятся объектами преследования (например, по делам о «порнографии» после слива их интимных материалов). Это формирует устойчивую практику, при которой обращение в полицию связано с риском наказания, а не защиты.

«Вместо того, чтобы оказать помощь, человеку правоохранительные органы говорят: “А мы против вас дело откроем, потому что вы квир-персона”. Или действительно открывают такие дела. Мы это видим по ситуациям с тем, что называется “digital crime”. Это, например, когда сливается против желания человека какая-то информация, связанная с интимными фото или видео. То есть это такой “revenge porn”. Мы видели как минимум один случай в прошлом году, когда правоохранительные органы вместо того, чтобы помочь человеку, наоборот, открыли против него дело о распространении порнографии. То есть не преследовали человека, который слил эту информацию, собственно, самого преступника, а преследовали жертву этого преступления просто потому, что вот эта жертва была запечатлена на фото. То есть мы видим всё больше и больше тенденцию именно к этому. И конечно же, в силу этого люди всё меньше хотят обращаться за помощью в правоохранительные органы».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

«Люди не обращаются в полицию после насилия, потому что они боятся, что сам факт их обращения может быть квалифицирован правоохранительными органами как “пропаганда”».

Катя, руководительница программы правовой помощи, «Сфера»

В результате формируется **устойчивое и обоснованное недоверие к институтам защиты**: реальный риск стать объектом преследования делает любое обращение в полицию потенциально опасным, что ещё больше усиливает уязвимость пострадавших от насилия на почве ненависти.

Как уже отмечалось в предыдущей главе, количество административных дел по статье об «ЛГБТ-пропаганде» против онлайн-кинотеатров сократилось. Однако эксперты связывают это в первую очередь с самоцензурой и удалением всех потенциально опасных материалов из публичного поля:

«В 2025 году мы видим снижение этого тренда: количество дел, связанных с пропагандой, по отношению к юрлицам в России составляет меньше 25%, если я не ошибаюсь, в нашей статистике. Это меньше, чем в 2024 году. Я могу это связать с тем, что на самом деле различные стриминговые платформы и другие юрлица, которые преследовались по этой статье, просто адаптировались под рынок, под требования государства, самоцензурировались. Феномен самоцензуры в 2025 году вырос как раз в связи с таким преследованием, которое было раньше. Просто поудалляли весь контент, который мог быть связан с квирами, но иногда что-то всё ещё находится. Если они не успевают это удалить, к ним всё ещё приходят за штрафом, потому что это лёгкие деньги для государства».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

Таким образом, снижение количества административных дел по статье о «ЛГБТ-пропаганде» против юридических лиц эксперты объясняют не ослаблением правоприменения, а **эффектом адаптации и самоцензуры**. Платформы заранее удаляют потенциально чувствительный контент, стремясь избежать санкций, что ведёт к снижению публичной видимости ЛГБТ+ тематики. При этом крупные штрафы сохраняются как инструмент государственного воздействия и источник пополнения бюджета. В совокупности это усиливает общую тенденцию к вытеснению ЛГБТ+ людей и тем из публичного пространства и закрепляет практики профилактической цензуры.

В 2025 году практика применения репрессивного анти-ЛГБТ+ законодательства в России усилилась не за счёт появления новых норм, а через выборочное и расширительное использование имеющихся. Размытые правовые формулировки позволяют силовикам трактовать повседневные действия (от онлайн-коммуникации до частных встреч дома) как экстремизм. Само обращение в правоохранительные органы с заявлением в случае преступления ненависти может быть потенциально опасным для ЛГБТ+ людей, что усиливает их уязвимость. Кроме того, участились случаи шантажа и вымогательства, поскольку стало больше возможностей для угроз преследованием.

Полицейские рейды

В 2024 году полицейские рейды по квир-пространствам и квир-мероприятиям стали массовым явлением: на протяжении всего года было зафиксировано как минимум 34 рейда в 12 регионах страны. При этом важно учитывать, что в условиях отсутствия официальной статистики эксперты опираются на данные открытых источников, сообщения в медиа и собственные подсчёты, что делает любые количественные оценки неполными и зависимыми от видимости событий.

В 2025 году эксперты отмечают **изменение публичной видимости рейдов**: информации о них стало значительно меньше, однако это не позволяет однозначно утверждать, что их фактическое число снизилось:

«Стало поменьше. По крайней мере, стало поменьше слышно о них. Стало ли их действительно меньше, мы не знаем».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

Данные организации «Выход» указывают на 18 зафиксированных рейдов за 2025 год, что может свидетельствовать о реальном снижении по сравнению с предыдущим годом.

Снижение числа полицейских рейдов эксперты связывают в первую очередь с влиянием, которое оказали прошлогодние рейды на ЛГБТ+ пространства. На владельцев или сотрудников некоторых квир-пространств, где были рейды в 2024 году, завели уголовные дела, что значительно повлияло на инфраструктуру досуга, ориентированного на ЛГБТ+ людей, вытеснив его в подполье. Как следствие, многие квир-пространства закрылись либо изменили формат работы (например, перестали себя позиционировать как ЛГБТ+ пространства или ЛГБТ+ френдли).

«По нашим обращениям за помощью, по нашей базе данных о дискриминации и преследовании в России, мы наблюдаем, что рейдов стало меньше. Это не значит, что такого тренда нет. Просто все те места, за которыми приходили в 2024 году, когда это были массовые рейды, либо закрывались, либо переформатировались, либо в конце концов [против них] уже начались какие-то дела, связанные непосредственно с экстремизмом, причём это уголовные дела».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

«Я знаю, что многие клубы в принципе перестали позиционировать себя как ЛГБТ-клубы, как это было раньше. Начали вводить различные меры предосторожности, запрет на съёмку и на фотографирование. Часть клубов условно закрылась и открылась под новым названием, с новым концептом».

Наталья, Уральский федеральный округ

Кроме того, эксперты отмечают, что часть рейдов становится «невидимой» из-за отсутствия медийного распространения. О каких-то рейдах эксперты узнают из косвенных свидетельств, например, кассационных решений суда, где упоминается рейд на мероприятие, о котором не было известно публично.

«Были ли полицейские рейды на клубы на Новый год? Неизвестно. Они были в 2024 году, они были в 2023. Были ли они в 2025? Никто не знает. Вот я знаю, что в 2026 году на 14 февраля они были. У нас есть свидетельство из двух городов: из Якутска и Мурманска. Это означает вообще-то, что, возможно, они были и в других городах, потому что клубы-то есть не только в Якутске и Мурманске. А про Новый год нет вообще ни одной новости. Но опять же, неизвестно, может быть, они были, просто мы об этом не знаем, потому что сами клубы тоже могут скрывать. Чем дальше люди от активизма, тем меньше у них желания обычно выступать на публике, что-то выносить на публику. Очень многие люди беспокоятся, “а как бы чего ни вышло, вот я им сейчас расскажу, на меня ещё сильнее надавят”».

Итиль Тёмная, проект «Преступление 6.21»

«О многих рейдах мы знаем из сливов самих силовиков. Они снимают на видео и присылают своим подкормленным телеграм-каналам. В Краснодаре ничего этого не было, только когда появилось в кассации одно решение, где штраф остался в силе. Но только оттуда мы узнали, что был какой-то рейд на какой-то клуб, где проходила явно женская вечеринка, потому что там только женщин задержали. И вообще нет никакой уверенности, что других таких не было. Какое-то количество рейдов остаются точно так же незамеченными просто потому, что у конкретно этих силовиков не было своего телеграм-канала. Суды не торопятся распространяться, силовики тоже».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

Эксперты отмечают, что **безопасных пространств**, где ЛГБТ+ люди могли бы собираться и совместно проводить досуг, **практически не осталось**. Даже закрытые частные вечеринки, включая мероприятия в частных квартирах, находятся под угрозой срыва силовиками, как свидетельствуют отдельные кейсы. Это усугубляет изоляцию сообщества, влияет на самоощущение ЛГБТ+ людей.

«По состоянию на 2025-й год можно говорить о том, что никакие офлайн-мероприятия, даже закрытые частные домашние мероприятия не будут больше существовать. Домашние вечеринки небезопасны для скопления квир-персон. То есть вот это положение, когда в принципе нет безопасного пространства для квир-сообщества, это, конечно же, очень плохо, это говорит об изоляции людей, о том, что они себя нигде не могут чувствовать безопасно».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

Одновременно эксперты отмечают, что **цели полицейских рейдов значительно расширяются**. Продолжается тенденция, начавшаяся ещё в 2024 году: с рейдами силовики приходят не только на квир-мероприятия, но и на любые мероприятия, связанные с сексуальностью (БДСМ-вечеринки, кинки-вечеринки). В 2025 году по доносу могли прийти и на книжные фестивали, в книжные магазины, на мероприятия политических партий, домашние вечеринки. Источники информации силовиков зачастую остаются неизвестными, поэтому и предугадать риски практически невозможно.

«Мне кажется, рейды стали очень сильно распространяться в итоге вообще на все мероприятия, которые связаны так или иначе с сексом, сексуальной свободой и раскрепощением. Люди, которые проводят кинки-пати, даже если это кинки-пати для гетеросексуальных цисгендерных персон, всё равно в зоне риска. К ним уже приходили правоохранительные органы, клали всех лицом в пол, спрашивали паспорта».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

«Непосредственное государственное насилие стало затрагивать не только ЛГБТ-пространства, потому что происходят рейды уже не только в ЛГБТ-пространствах, а там, где есть какие-то подозрения. По нашим данным, за 2025 год было зафиксировано 18 рейдов. И это были, например, БДСМ-площадки. “ЛГБТ-пропаганда” в книжных магазинах. На книжных фестивалях. В частных квартирах. На мероприятиях, организованных политическими

партиями. При этом в каких-то случаях пропаганда действительно обнаруживалась. Но она обнаруживалась не потому, что кто-то занимался ею на мероприятии, она, например, обнаружилась в телефоне посетителя, который пришёл туда и в общем-то был совершенно ни при чём».

К., юристка, «Выход»

Таким образом, количество полицейских рейдов на квир-мероприятиях или по причинам, связанным с «ЛГБТ-пропагандой», о которых стало публично известно, снизилось за 2025 год. Эксперты связывают это с изменениями самой инфраструктуры ЛГБТ+ сообщества: клубы закрываются или маскируются, офлайн-мероприятия исчезают, а безопасные пространства становятся практически недоступными. Продолжается расширение объектов репрессий: под угрозой оказываются не только ЛГБТ-клубы, но и любые пространства сексуальной свободы, включая БДСМ-мероприятия и кинки-вечеринки, а также книжные магазины, фестивали и частные квартиры. Информации о проведённых полицейских рейдах становится всё меньше, поэтому эксперты не могут уверенно говорить об их действительном сокращении. Ключевым эффектом таких рейдов, продолжающихся с конца 2023 года, становится не столько прямое уголовное преследование организаторов и участников мероприятий (количество уголовных дел остаётся штучным), сколько производство страха, неопределённости и самоцензуры, что приводит к глубокой изоляции ЛГБТ+ людей, разрушению публичных форм квир-видимости и безопасных квир-пространств.

Доносы

Эксперты расходятся в оценке изменений, связанных с распространением доносов на ЛГБТ+ людей. Некоторые считают, что их становится больше, другие не видят значительных изменений по сравнению с 2024 годом. Некоторые эксперты наоборот наблюдают снижение активности публичных фигур, профессионально занимающихся доносами:

«Есть ощущение, что массовые вот эти доносчики подустали или исчерпали те ресурсы, с помощью которых они находили поводы для доносов, и пропаганду, как будто бы они меньше отчитываются о доносах».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

Другой эксперт, говорящий о снижении числа доносов, предполагает, что это может быть результатом субъективного восприятия, поскольку они становятся привычным явлением:

«Если говорить про 2025-й год, то, на мой взгляд, скорее, стало меньше, или, может быть, как-то в целом мы сами привыкли и не замечаем».

Владимир, правозащитник

Оценивать количество доносов затруднительно, поскольку не всегда известно, что послужило поводом для возбуждения дела, блокировки или какого-либо иного способа проявления внимания правоохранительных органов.

«Мы не знаем, какое количество дел, которые доходят до публичного внимания, связано с доносами. И мы не знаем, сколько этих доносов пишется и конвертируется потом в реальные дела. Потому что это достаточно закрытая информация».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Другие эксперты фиксируют изменения не в количестве доносов, а в том, как они реализуются: **«Стало больше публичных доносов**, когда, например, кто-то пишет призыв, чтобы правоохранительные органы что-то проверили. **Как показывает наш мониторинг, публичные доносы стали более распространены, чем непубличные. У нас в мониторинге за 2025 год зафиксировано 20 публичных доносов о пропаганде или экстремизме. И всего 9 непубличных».**

К., юристка, «Выход»

Кроме того, если о росте или сокращении числа доносов судить проблематично, то **о росте тревоги и страхов, вызванных атмосферой доносительства**, эксперты готовы говорить с уверенностью:

«Мы не фиксируем количество доносов, которые происходят, мы только можем понимать по обращениям людей, которые говорят о своих страхах доносов. И судя по условной шкале страха, в 2025 году она [тревога из-за доносов] сильно увеличилась».

Катя, руководительница программы правовой помощи, «Сфера»

Эксперты отмечают, что доносы и обвинения в «ЛГБТ-пропаганде» стали использоваться как инструмент давления и уничтожения репутации **против людей, не относящихся к ЛГБТ+ сообществу**. Как уже отмечалось в

«Используются эти заявления как способ расправы, публичного давления, в том числе на общественных и политических фигур, без связи с их СОГИ. То есть, например, обвинение в “ЛГБТ-пропаганде” как такой стигматизирующий ярлык может быть

использован для расправы с неудобными людьми. Например, была история, когда против активистки, которая занималась экологическими делами, было публично направлено требование лишить её родительских прав якобы за “ЛГБТ-пропаганду”. В итоге, по-моему, она даже из страны была вынуждена уехать. То есть это запускает механизм как общественного давления, так и самодисциплины, где формальное применение закона вторично по отношению к репутационному ущербу и страху».

К., юристка, «Выход»

предыдущих главах, эксперты отмечают, что случаев шантажа и угроз привлечь к ответственности за «ЛГБТ-пропаганду» и «ЛГБТ-экстремизм» становится всё больше, и доносы или угрозы доносом являются ключевым рычагом воздействия на ЛГБТ+ людей. Эксперты также фиксируют распространение случаев, когда с помощью доносов или угроз доносами решаются имущественные вопросы.

«Именно в 2025 году стал распространён такой способ решения каких-то частных конфликтов. Когда, например, внутри семьи идёт какой-то спор о порядке использования имущества, о наследовании, о продаже имущества, которое используется другим, ещё о чём-то. И доносы — это способ давления на тех, кто имеет права в отношении имущества».

К., юристка, «Выход»

В целом экспертные оценки позволяют говорить не столько об однозначном росте или снижении числа доносов в 2025 году, сколько о трансформации их функций, форм и социального значения. При отсутствии достоверной статистики и прозрачности правоприменения количественная динамика остаётся неопределённой и во многом воспринимаемой субъективно: часть экспертов фиксирует усталость и снижение активности «профессиональных» доносчиков, тогда как другие связывают ощущение снижения с эффектом привыкания к доносам как к повседневному явлению. Вместе с тем более отчётливо проявляются качественные изменения: доносы становятся инструментом не только юридического преследования, но и репутационного давления. Они всё чаще опираются на контекст СОГИ, в котором преследование ЛГБТ+ людей и их ограниченные возможности защиты инструментализируются как универсальный стигматизирующий механизм против «неудобных» людей, а также как средство разрешения частных конфликтов, включая имущественные споры. При этом ключевым эффектом распространения доносов становится не столько их результативность, которую сложно оценить, сколько рост тревоги, страха и самодисциплины, который фиксируется экспертами через обращения людей. Таким образом, донос в 2025 году выступает не просто формой обращения в правоохранительные органы, а широким социальным инструментом давления, встроенным в повседневные и публичные практики контроля и принуждения.

Насилие на почве ненависти

Эксперты, с которыми мы поговорили, не дают единой оценки динамики, но сходятся в том, что **уровень насилия остаётся высоким и имеет тенденцию к росту**. С одной стороны, часть экспертов говорит о стабильном уровне насилия:

«Я даже не могу сказать, что уровень насилия растёт, он плюс-минус последние годы примерно одинаковый. Ну, и трансфобия есть, и гомофобия, и какие-то бытовые столкновения, но примерно уровень один, то есть резкого какого-то скачка я не вижу».

Юристка, Санкт-Петербург

С другой стороны, многие фиксируют или предполагают рост насилия по отношению к ЛГБТ+ людям и в российском обществе вообще.

«Я думаю, точно растёт. Мы это замечаем по мониторингу, что больше обращений именно по поводу насилия. Но ещё, кроме каких-то внутренних систем мониторинга, у нас и у других организаций нет никакой возможности это отследить. Потому что когда это насилие, например, домашнее или на улице, люди не обращаются в полицию. Очень маленькая вероятность, что они дойдут до полиции. И ещё меньше вероятность, что если они дойдут до полиции, то дело реально возбудят против хулигана, который напал на них на улице. Поэтому это такая история про реально невидимое насилие. Я думаю, что уровень гомофобии и трансфобии растёт, потому что люди, которые совершают такие нападения и насилие в целом, чувствуют себя более безнаказанными, конечно же».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

Евгений Журавлёв, сотрудник «Центра Т», в цитате, приведённой выше, поднимает важную **проблему невидимости насилия**, с которым сталкиваются ЛГБТ+ люди на повседневной основе. В отсутствие официальной статистики, возможности получить защиту от правоохранительных органов и добиться справедливости, нет возможности объективно оценить уровень преступлений на почве ненависти.

Ощущение безнаказанности становится одним из ключевых факторов, способствующих росту насилия, поскольку потенциальные агрессоры всё чаще воспринимают свои действия как допустимые:

«Гомофобы, у которых чешутся кулаки, чувствуют себя более свободно».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

Насилие всё чаще сопровождается не только ощущением безнаказанности, но и внутренним оправданием, при котором агрессоры придают своим действиям идеологический смысл и воспринимают их как социально одобряемые:

«Сейчас мы чаще замечаем, что это именно люди, которые говорят о себе как о “санитарах леса”, которые намеренно выбирают в качестве жертв ЛГБТ-людей, ибо считают, что они действуют в рамках государственной политики, и это им зачтётся в случае каких-то сложностей».

Владимир, юрист, Москва

Рост насилия в отношении ЛГБТ+ людей рассматривается экспертами в более широком контексте **милитаризации российского общества**, где насилие в целом становится более привычным и социально допустимым:

«Я бы сейчас сказала, что в целом уровень насилия в России растёт, но по отношению к разным персонам, и это в основном из-за “СВО-шников”, которые возвращаются с фронта. То есть мы каждый день читаем новости о том, как очередной “ветеран” войны кого-нибудь убил или изнасиловал».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Суммируя оценки экспертов, можно сказать, что насилие на почве ненависти в отношении ЛГБТ+ людей в России в 2025 году характеризуется не столько резким скачком, сколько устойчивым ростом на фоне общего увеличения агрессии в обществе. Ключевым изменением становится тот факт, что насилие всё чаще идеологизируется и нормализуется, воспринимается как допустимое. Одновременно с этим жертвы насилия утрачивают доступ к защите и справедливости, в особенности учитывая реальный риск преследования самих потерпевших в случае их обращения в полицию. Государство и правоохранительные органы выступают одновременно источником насилия и фактором безнаказанности. В результате насилие становится менее видимым и более системным.

Положение трансгендерных людей

Положение трансгендерных людей в России в 2025 году характеризуется структурной уязвимостью, которая проявляется в ограниченном доступе к медицине, социальной сфере, защите своих прав, а также в дополнительных трудностях при любом взаимодействии, требующем предъявления документов.

Труднодоступность сервисов для трансгендерных людей носит системный характер и особенно остро проявляется в сфере медицины, где даже получение базовой помощи требует дополнительных усилий и постоянного преодоления барьеров:

«С бытовой трансфобией, конечно, люди сталкиваются. То есть нужно понимать: чтобы получить помощь, трансгендерному человеку нужно больше усилий приложить. Это, например, квест, если по паспорту гендерный маркер мужской, и есть какие-то проблемы по гинекологии. И там нужно боевые усилия проявлять, чтобы получить эту помощь, чтобы объяснить, что и как. То есть это больше проблем, конечно».

юристка, Санкт-Петербург

Рост недоверия к медицинским специалистам и страх обращения за помощью становятся одним из ключевых последствий институциональных барьеров, с которыми сталкиваются трансгендерные люди:

«Конечно, эта ситуация влияет на то, что люди в целом боятся обращаться к врачам по любому профилю. Потому что могут документы не совпадать. Гендерно-неконформная внешность может быть».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

Ограничения доступа к легальной гормональной терапии и качественной медицинской помощи напрямую способствуют **развитию нелегальных практик и формированию «серого» и «чёрного» рынка препаратов**, что в свою очередь повышает риски для здоровья и усиливает правовую неопределённость для трансгендерных людей:

«Я думаю, что в России сто процентов растёт рынок нелегальных гормонов. Это какие-то подпольные схемы, подпольные препараты. Что значит, что мы не можем вообще никак гарантировать безопасность. Гормональную терапию ещё важно отслеживать. И вероятнее всего, я думаю, для большого количества людей это теперь какие-то... DIY-схемы».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

«Увеличилось количество обращения транс-людей, это можно выделить в отдельную категорию, потому что у людей отсутствует доступ к качественной медицинской помощи, они не могут получать заместительную гормональную терапию. Те, кому она показана пожизненно и кто не может получать её легально, уходят в сферу чёрного рынка, покупают нелегально, что, конечно, тоже несёт в себе большие риски, потому что это может быть связано с уголовным преследованием за незаконный оборот сильнодействующих препаратов. Но пока я не встречала уголовных дел по этой статье среди ЛГБТ+ людей, то есть я не вижу пока такой тенденции».

Катя, руководительница программы правовой помощи, «Сфера»

В условиях системных барьеров и ограниченного доступа к качественной и безопасной медицинской помощи трансгендерные люди **опираются на неформальные сети и НКО**, которые становятся ключевым каналом поиска дружественных специалистов:

«К нам обращаются зачастую, когда ищут уже врача. Мы знаем френдли-врачей. Это не только эндокринологи, но также психиатры. Терапевты, стоматологи, психиатры, и так далее».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

«Я знаю, что есть просто адекватные врачи, контакты которых передают через помогающие организации, которые находятся внутри России. Они сотрудничают с транс-организациями. Транс-организации просто знают, что они могут отправить людей к ним обратиться. И это, наверное, самый надёжный способ сейчас получить эту информацию. Плюс у транс-сообщества есть свои отдельные сообщества внутри комьюнити».

Татьяна Калинина, экспертка в области защиты прав женщин и квир-людей

Отдельным направлением обращений трансгендерных людей в 2025 году в НКО становятся **вопросы, связанные с воинским учётом и взаимодействием с**

военкоматами, которые имеют характер массового и специфически гендерно обусловленного запроса:

«И, конечно же, очень много у нас есть транс-персон, которые обратились по вопросам получения военного билета. Всё, что связано с военкоматом. И именно от транс-персон запросов больше, чем от цисгендерных гомосексуальных мужчин. Очень большой вопрос у людей по поводу военкомата».

Регина Дзугкоева, Дальний Восток

Эксперты также поднимали вопросы справедливости в отношении трансгендерных людей в России в 2025 году. Как отмечает Владимир, юрист из Москвы, трансгендерные люди регулярно сталкиваются с предвзятостью при вынесении решений. **Трансгендерность может становиться фактором усиленного контроля и более жёсткого реагирования со стороны судебной системы и системы исполнения наказаний.** Эксперт также сообщает о случаях, когда вместо назначения условного наказания или штрафа транс-люди направляются на принудительные меры медицинского характера на основании сомнительных экспертиз и оценок их внешнего вида и поведения.

«Я надеюсь, что ваше исследование затронет проблему необходимости расширения понимания политузников не только как людей, отбывающих наказание по причине политической деятельности, наказания по политической статье. Более того, лишение свободы у нас ещё бывает в форме просто, на мой взгляд, вопиющей. Это когда человеку отказывают в праве на справедливое судебное разбирательство, вместо того, чтобы дать какой-нибудь условный срок либо судебный штраф, у нас то и дело транс-людей отправляют по какой-нибудь абсолютно нелепой экспертизе, где буквально отслеживается только то, что человек пришёл, скажем так, несобранный, неопрятный, от него там дурно пахло... Такое отношение было к одному из моих подзащитных. Собственно, только на этом основании следователь выступает с ходатайством вместо справедливого судебного разбирательства направить человека на меры медицинского характера. И там, где мог бы быть условный срок, человека отправляют на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Если раньше такого рода дел у нас было всего три, то в прошлом году только в один год появилось ещё три таких дела. Поэтому мне кажется, что ситуация, когда транс-людей отправляют на принудительные меры медицинского характера, становится более и более актуальной».

Владимир, юрист, Москва

Трансгендерные люди в России **продолжают сталкиваться с системной дискриминацией** в образовательной, профессиональной и социальной сферах, которая проявляется не только на уровне формальных процедур, но и в практике трудоустройства, где даже наличие корректно оформленных документов не гарантирует равного отношения со стороны работодателей:

«У нас был случай, когда человек сменил документы, фото на паспорт, всё было хорошо, но на втором этапе собеседования его стали опрашивать про трансгендерность, нашли его старые фото, старое имя, старые документы, вот это вот всё. И вот, как раз человека допрашивали на потенциальной работе. Это частая история».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

В 2025 году эксперты фиксируют **изменение характера запросов, связанных с детранзишном**: если ранее они чаще описывались как эмоционально обусловленные и кризисные, то теперь всё более заметной становится их институционализация и правовая оформленность, при которой подобные решения рассматриваются как инструментально используемая юридическая стратегия.

«В 2025 году детранзишн — это периодически встречающийся запрос, решаемый запрос. Суды рассматривают такие дела и удовлетворяют такие иски. Запросов таких стало больше, конечно. Люди поняли, что так можно, задача решаемая, стали относиться к ней более инструментально, чем до этого. То есть это не паническая реакция, мол, хочу всё откатить, просто чтобы меня не трогали. Они думают, когда это сделать. Как быть с воинской обязанностью. Более взвешенно подходят. И это, скорее, уже не столько страх, что “со мной что-то сделают за то, что я сделал переход”, сколько достаточно осознанное решение».

К., юристка, «Выход»

В целом положение трансгендерных людей в России в 2025 году может быть охарактеризовано как **состояние структурной уязвимости**, формируемое совокупностью институциональных барьеров в доступе к медицине, правосудию, занятости и социальным сервисам, а также постоянной необходимостью преодолевать несоответствие между документами, своей гендерной идентичностью и государственными процедурами. Эти ограничения приводят к системному усложнению доступа к базовой помощи и создают дополнительные барьеры даже в повседневных ситуациях взаимодействия с медицинской системой, где трансгендерный статус приводит к необходимости

постоянного «доказывания» и объяснения своего состояния. Дополнительным фактором уязвимости выступает взаимодействие с такими государственными институтами, как военкоматы и судебная система, где трансгендерность может становиться основанием для повышенного внимания, дополнительного контроля и усиленной правовой неопределённости. В совокупности это создаёт ситуацию, в которой даже формально изменённый юридический статус не гарантирует социальной и институциональной безопасности, а трансгендерный опыт сопряжён с постоянной необходимостью адаптации к нестабильным и часто неблагоприятным условиям взаимодействия с государством и обществом.

Доходы, занятость и образование ЛГБТ+ людей

Говоря об экономическом положении ЛГБТ+ людей в 2025 году, эксперты подчёркивают **универсальность экономических трудностей**, с которыми сталкивается всё население страны:

«Квир-люди, как и все остальные граждане Российской Федерации, страдают от инфляции, от роста цен и от того, что какие-то привычные им продукты уходят. И, конечно, жизнь дорожает во всех сферах».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

ЛГБТ+люди включены в общие макроэкономические процессы, их экономическое положение формируется не только специфическими факторами уязвимости, но и более широким контекстом ухудшения уровня жизни, характерным для российского общества в целом.

Татьяна Калинина, экспертка в области защиты прав женщин и квир-людей, фиксирует среди ЛГБТ+ людей из России **большой запрос на темы, связанные с финансовой грамотностью и увеличением дохода**:

«Экономическая ситуация очень сильно сказывается на том, как чувствуется жизнь внутри России. По нашим наблюдениям, например, тема денег интересует очень многих. Как копить деньги, как вообще их зарабатывать».

Эксперты описывают не только общее ухудшение экономической ситуации, но и специфические **дополнительные издержки, связанные с ЛГБТ+ идентичностью**:

«Коллеги делали материал про лесбийскую пару, в которой одна из партнёрш беременела в России и рожала в России, и они не хотят уезжать. И там очень хорошая фраза была: “Быть лесбиянкой дорого”. И понятно, что в целом ЛГБТ-парам, которые хотят завести ребёнка, везде надо раскошелиться, в любой

стране мира, но в России тебе ещё надо предпринять очень много усилий для того, чтобы на тебя не настучали, не донесли, чтобы у тебя были френдли-врачи, френдли-окружение, а это тоже стоит дополнительных денег. Чтобы найти таких хороших врачей, какой-то ресурс надо на это потратить. И в целом, конечно, мне кажется, ЛГБТ-люди в том числе тратят больше денег ради того, чтобы себя потенциально защитить».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Экономические издержки ЛГБТ+ людей формируются не только за счёт базовых жизненных потребностей, но и **за счёт необходимости выстраивать безопасную инфраструктуру повседневности**. Речь идёт о дополнительных расходах на поиск лояльных специалистов, формирование «безопасного» социального окружения, а также о ресурсах, затрачиваемых на минимизацию рисков доносов, аутинга и институционального давления. В результате расходы приобретают превентивный характер: они направлены не на повышение качества жизни, а на снижение угроз.

Ещё одним значимым фактором, влияющим на экономическое поведение ЛГБТ+ людей, становится **распространённая установка на возможную эмиграцию**. Эксперты отмечают, что даже при отсутствии немедленных планов отъезда многие рассматривают его как перспективу, требующую финансовой подготовки:

«Плюс многие ещё хотят потенциально куда-то уехать через какое-то время. Люди откладывают деньги на эмиграцию. Это тоже, соответственно, ударяет по кошельку. Они вынуждены жить в условиях экономии ради накопления на будущую эмиграцию».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Таким образом, ЛГБТ+ идентичность в современных российских условиях становится самостоятельным экономическим фактором, увеличивающим стоимость жизни. А ориентация на потенциальный отъезд формирует особую модель экономического поведения, при которой текущие расходы сознательно сокращаются в пользу долгосрочных накоплений.

Эксперты отмечают, что в 2025 году происходит существенная трансформация неформальных норм, регулирующих присутствие ЛГБТ+ людей в образовательных и профессиональных институтах. Если ранее существовала модель негласного сосуществования, основанная на принципе невидимости, то в текущих условиях она разрушается:

«Меняется, насколько я понимаю, договор негласный, который существовал. Раньше всё выглядело как “don’t ask, don’t tell”. Особенно в академии более-менее всё было устроено по принципу

“вы всё понимаете, но никто не говорит”. А теперь лучше не понимать. Теперь эта договорённость сильно-сильно меняется, потому что теперь даже потенциальный квир, если он каким-то образом может быть заподозрен, становится проблемой, и это надо будет как-то решать руководителю и администрации, и люди стараются максимально эту историю, так сказать, минимизировать. Потому что, грубо говоря, раньше это было опасно для одного человека, теперь это опасно для всех».

Дмитрий Дубровский, исследователь

На этом фоне эксперты подчёркивают, что усиливающееся давление на ЛГБТ+ людей обусловлено не только личными установками представителей организаций, **но и более широкой логикой институционального страха:**

«Из вот этой динамики образовательной и трудовой видно, что причиной какого-то давления становится не только личное представление тех или иных образовательных или коммерческих организаций, но и воспринимаемые, иногда совершенно не обоснованные опасения по поводу давления со стороны государства в связи с наличием ЛГБТ-сотрудника или ЛГБТ-студента, попытки снизить это давление».

К., юристка, «Выход»

Таким образом, ключевым механизмом дискриминации становится не столько идеологическая позиция конкретных работодателей или администраций, сколько их **стремление минимизировать риски, связанные с возможными внешними санкциями**. В этих условиях увольнения, ограничения или давление на ЛГБТ+ сотрудников и студентов часто выступают как форма превентивной самозащиты организаций.

Таким образом, экономическое положение ЛГБТ+ людей в России в 2025 году формируется на пересечении двух взаимосвязанных процессов. С одной стороны, их повседневная экономическая уязвимость во многом определяется общими макроэкономическими условиями: инфляцией, ростом цен и снижением покупательной способности населения в целом. С другой стороны, ЛГБТ+ идентичность становится фактором дополнительных издержек, включая необходимость инвестировать ресурсы в свою «безопасность» (например, френдли-врачи в платной клинике) и постоянное откладывание денег на возможную эмиграцию и, как следствие, жизнь в постоянной экономии. В результате жизнь ЛГБТ+ людей приобретает характер двойной нагрузки, где базовые материальные трудности усиливаются необходимостью постоянного управления рисками.

Одновременно наш анализ показывает, что сферы занятости и образования претерпевают институциональные изменения, связанные с ростом логики превентивного контроля и институционального страха перед преследованием со стороны государства. ЛГБТ+ идентичность становится проблемой не только для конкретного человека, но и для организаций, что усугубляет практики осторожности, контроля и исключения со стороны работодателей и образовательных учреждений.

Положение ЛГБТ+ семей и ЛГБТ+ подростков

В 2025 году положение ЛГБТ+ семей характеризуется усилением уязвимости, связанной не только с правовыми ограничениями, но и с ростом повседневных рисков, социальной стигматизации и давления со стороны государства и ближайшего окружения. **Семья становится пространством не только поддержки, но и потенциальной угрозы, а также объектом внешнего контроля.**

Эксперты подчёркивают, что теперь повседневная жизнь ЛГБТ+ родителей ещё в большей степени определяется необходимостью постоянной **самоцензуры и контроля за собственной видимостью**. Это касается и публичного поведения взрослых, и того, как выстраивается коммуникация с ребёнком, и какие стратегии передачи информации о семье считаются безопасными.

«Сейчас ЛГБТ+ родители цензурируют себя очень сильно. Иногда страшно просто сидеть рядом друг с другом в кафе. Не дай бог, кто-то поймёт, кто мы. И, конечно, большая проблема у квир-родителей — это как и о чём говорить ребёнку, чтобы он не проболтался в детском саду или в школе. Причём большая часть их не собирается уезжать. Понятно, есть квир-родители, которые посмотрели на всё это и уехали. А есть те, кто говорит: “Нет, я буду тут, я не собираюсь уезжать, но вот мне надо понять, как действовать в детском саду, в школе, как с этим быть, как говорить, как ребёнка научить”. Вот таких запросов очень много».

Регина Дзугоева, Дальний Восток

Центральным фактором, определяющим тактики практически полной закрытости ЛГБТ+ родителей, становится **страх потери родительских прав**. Этот страх формирует постоянное напряжение и влияет на все аспекты жизни семьи, включая взаимодействие с образовательными и медицинскими учреждениями.

«Вот как раз ограничение прав родителей и постоянное ощущение страха, что к тебе могут прийти и забрать у тебя детей в любой момент, если кто-то что-то узнает ненароком о твоей жизни личной, мне кажется, что вот этот страх очень сильно влияет на квир-родителей, потому что люди просто не чувствуют себя защищёнными. Они просят своих детей не упоминать ситуацию семейную, не говорить о том, что у них две мамы и два папы, и это, конечно, в том числе влияет на психологическое состояние ребёнка, и это очень тяжело, потому что человек себя чувствует тоже в изоляции. Мне кажется, сильно влияет и на детей, и на родителей [вопрос о том], как регулировать процесс общения с администрацией школы и так далее. Это отдельный такой план, стратегические действия для квир-родителей».

Татьяна Калинина, экспертка в области защиты прав женщин и квир-людей

Эксперты отмечают, что сексуальная ориентация ЛГБТ+ родителей всё чаще становится инструментом прямого воздействия в юридических и семейных конфликтах. Она может использоваться как аргумент в судебных разбирательствах, а также как средство шантажа и принуждения в отношениях с бывшими партнёрами. В результате уязвимость ЛГБТ+ родителей усиливается не только на уровне государства, но и в рамках частной жизни, где правовые и социальные механизмы начинают работать против них.

«Идентичность родителей, прежде всего матери, используется биологическим отцом ребёнка для давления. Были случаи, когда она использовалась для того, чтобы, во-первых, забрать ребёнка. Во-вторых, для того, чтобы избавиться от уплаты алиментов. Или как-то имущественные права разделить, чтобы, например, мать отказалась от претензий на долю в общем имуществе супругов под угрозами, в которых использовался факт сексуальной ориентации матери, в противном случае лишиться ребёнка. Аналогичные ситуации используются вообще для того, чтобы женщина отказалась от развода и продолжала находиться в сексуальных отношениях с мужчиной».

К., юристка, «Выход»

ЛГБТ+ родители сталкиваются с дополнительными барьерами при попытках эмиграции:

«Для того, чтобы выехать из страны, нужно вывезти ребёнка. Нужно, во-первых, отсутствие запрета со стороны другого родителя, а во-вторых, для любой легализации, кроме как в связи со статусом беженца, нужно согласие второго родителя. И в итоге именно ЛГБТ+ родители оказываются в ситуации, когда они вынуждены для эмиграции использовать именно получение международной защиты. Кроме того, и эта возможность для них сильно затруднена. Потому что для того, чтобы запросить международную защиту, надо приехать в страну, тебе нужна виза. Чтобы получить туристическую визу, тебе снова нужно согласие второго родителя».

К., юристка, «Выход»

Таким образом, даже стратегия выхода из небезопасной среды оказывается затруднённой в ситуациях, когда второй биологический родитель использует своё юридическое положение для блокирования выезда ребёнка, отказываясь давать согласие или прибегая к давлению и угрозам.

Как показывают экспертные оценки, **уязвимость ЛГБТ+ подростков носит комплексный характер**: риски не ограничиваются какой-либо одной сферой, а воспроизводятся одновременно в семье, образовательной среде и среди сверстников. При этом различные формы давления взаимно усиливают друг друга, создавая ситуацию, в которой подросток практически не имеет безопасного пространства. Дополнительным фактором становится риск аутинга, в том числе через институциональные контакты, что делает любую попытку обращения за помощью потенциально опасной и усиливает общий уровень страха и незащищённости. Так, Регина Дзугкоева, активистка из Дальнего Востока, описывает, с чем сталкиваются ЛГБТ+ подростки на повседневной основе: **«Насилие в школе. Насилие в семье. Шантаж от одноклассников»**.

К. перечисляет, с какими запросами обращаются ЛГБТ+ подростки в юридическую службу «Выхода»:

«Домашнее насилие, угрозы конверсионной терапии и принудительное помещение в “рехаб”, аутинг, риски аутинга, контакт с правоохранительными органами, который создаёт риски аутинга перед родителями. Страх насилия в случае каминг-аута. Страх насилия со стороны родственников, ушедших на СВО. И, конечно, преследование в школах за любое раскрытие СОГИ: требования уйти из школы под угрозой обращения в полицию с заявлением о “пропаганде” и реальные заявления в полицию от школьного руководства и родителей других учеников».

Эксперты отдельно подчёркивают, что помимо прямых форм насилия и давления, ключевым фактором уязвимости ЛГБТ+ подростков в 2025 году становится информационная и социальная изоляция. В условиях усиливающейся стигматизации и ненавистнической государственной риторики подростки оказываются в ситуации, где поиск информации и поддержки требует дополнительных усилий и сопряжён с рисками, а само ощущение одиночества становится постоянной частью их повседневного опыта.

«Им очень нужен контент, им очень нужно быть частью комьюнити, им очень нужно почувствовать, что с ними всё нормально, они не одиноки, что есть куча таких же людей, как они. И мне кажется, вот по кому действительно очень сильно ударили все эти законы, — это по квир-подросткам. Потому что мы, люди, которые пожили в десятилетия, а кто-то ещё в нулевые, в девяностые, мы застали какую-то нормальную эпоху; неидеальную, понятно, что гомофобия всегда была, понятно, что у нас не было прав, браков и парадов, всего остального. Но нас не считали уголовниками. И это уже, в общем-то, было неплохо. А выросли и оказались в ситуации, когда на первый взгляд им [ЛГБТ-подросткам] некуда обратиться, некуда пойти, им не с кем поговорить, им нечего прочесть. На самом деле, конечно, это всё есть, но им надо приложить усилия, чтобы это найти. А ещё усилилась вот эта государственная пропаганда, что ЛГБТ-люди какие-то не такие, что они с Запада пришли, что это навязанные ценности, что это извращение и прочее, прочее. Конечно, юный человек растёт в этом, впитывает информацию, которая наносит вред психике. И подростки остались в очень уязвимом положении, и сейчас мало кто с подростками вообще готов работать из ЛГБТ-организаций».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Эксперты связывают описанные выше условия с **устойчивым ухудшением психологического состояния квир-подростков**. Хронический стресс, отсутствие ощущения безопасности и невозможность свободно обсуждать собственную идентичность напрямую отражаются на психическом здоровье:

«Конечно, это повышение риска депрессии и тревожных состояний среди подростков».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

Несмотря на общий контекст, эксперты **всё чаще фиксируют случаи поддержки ЛГБТ+ подростков со стороны родителей или родственников**.

«В этом году стало больше обращений не от ЛГБТ-персон, а от людей, которые как-то с ними связаны. Встречаются обращения

от родителей ЛГБТ+ людей, как подростков, так и уже взрослых детей. Сёстры-братья, какие-то люди, которые непосредственно с ними связаны и которые пытаются как-то обезопасить своих близких от государства. Или от давления со стороны частных лиц. Это довольно интересно, это очень приятно видеть на самом деле. Уникальный кейс был в этом году. Когда родители своему трансгендерному ребёнку сменили имя. Они обращались к нам для того, чтобы дальнейшие действия планировать. Они жаловались, что всё равно ребёнок сталкивается с буллингом в школе».

К., юристка, «Выход»

«Одна мама рассказывала про свою дочь, как на неё фыркает соседка из-за того, что её дочь маскулинно выглядит. Она [дочь] лесбиянка, соседка это знает и как-то фыркает. Дочери при этом всё равно, но вот маму это обижает и оскорбляет, и она считает, что никакая соседка не имеет права фыркать на её дочь».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

В целом положение ЛГБТ+ семей в России в 2025 году характеризуется усилением многоуровневой уязвимости. ЛГБТ+ родители вынуждены выстраивать сложные стратегии скрытности, контролируя не только собственное поведение, но и коммуникацию детей, что сопровождается устойчивым страхом потери родительских прав и приводит к хроническому напряжению и ощущению правовой незащищённости. Дополнительно уязвимость усиливается тем, что сексуальная ориентация может использоваться как инструмент давления в судебных и семейных конфликтах, а также создавать препятствия при попытках эмиграции, когда согласие второго родителя становится критическим фактором, блокирующим возможность безопасного выхода из неблагоприятной среды.

ЛГБТ+ подростки оказываются в ситуации комплексных рисков, у них практически нет «безопасной зоны» повседневности. Эти риски дополняются угрозой аутинга и дефицитом доступа к поддерживающей информации и сообществам, что усиливает чувство изоляции и социальной невидимости. В совокупности это способствует ухудшению психологического состояния ЛГБТ+ подростков.

При этом эксперты фиксируют учащающиеся случаи поддержки квир-подростков со стороны родителей и близких, включая участие в их защите, поиск для них юридической помощи и эмоциональную поддержку. Однако такие случаи не меняют общей структуры уязвимости, в которой ЛГБТ+ семьи продолжают существовать в условиях системного давления и ограниченных ресурсов безопасности.

Доступ к информации, цензура и квир-культура

В 2025 году одним из ключевых изменений в логике регулирования квир-культуры становится **трансформация самого принципа государственного контроля**. Если в предыдущие годы цензура преимущественно носила реактивный характер, то есть включалась постфактум, уже после публикации контента, то теперь она приобретает **превентивное измерение**. Контроль начинает действовать до момента публичного распространения материалов.

В результате меняется не только структура ограничений, но и сама логика принятия решений: от реагирования на запреты к их предвосхищению. Одним из наиболее показательных примеров становится преследование книжного бизнеса, о котором подробно рассказывает К.

«Анти-ЛГБТ законодательство из инструмента точечного давления стало механизмом структурного управления культурным пространством. Если до этого государство в основном реагировало на какой-то уже опубликованный контент, то в 2025 году результатом этого стало превентивное подавление, самоцензура, отказ от публикаций. Удаление контента на всякий случай, уничтожение тиражей, блокировка доступа без судебного контроля. Примером можно назвать преследование книжного бизнеса: в 2025-м году, как мы знаем, было одно уголовное дело. При этом из 46 случаев, которые у нас попали в мониторинг в категорию “Привлечение к ответственности по статье 6.21 (“ЛГБТ-пропаганда”) юридических лиц”, 18 случаев касались именно книжного бизнеса. Впервые были рейды на книжные магазины, дважды, и одна проверка. После штрафа был уничтожен тираж. Были четыре большие кампании по снятию книг с продажи по требованию от государственных органов. Это не четыре книги, это четыре такие кампании, снималось с продажи вплоть до десятка наименований. Десять случаев самоцензуры

зафиксировано. Причём эта самоцензура содержала разные институционализированные механизмы, которые включались по желанию самих распространителей материалов, например, обязательная проверка на признаки “пропаганды ЛГБТ” через ИИ-инструменты. Или создание, например, на портале, который распространяет книги онлайн, формы уведомления о том, что в какой-то из книг содержатся признаки “ЛГБТ-пропаганды”».

К., юристка, «Выход»

Наиболее важным следствием этого сдвига становится **институционализация самоцензуры** как основного механизма регулирования культурного поля. Государственное регулирование перестаёт быть внешним актом вмешательства и становится внутренним параметром принятия решений внутри индустрии. Издательства, платформы, дистрибьюторы начинают функционировать в условиях постоянной неопределённости, где любое содержание, связанное с квир-тематикой, потенциально маркируется как рискованное.

Пожалуй, наиболее значимым эффектом становится **переход самоцензуры из сферы страха в сферу рационального расчёта**. Издательства и культурные институции начинают заранее исключать потенциально рискованный контент не только из-за идеологических ограничений, но и по экономическим причинам.

«В наш мониторинг попадала информация о том, что именно ЛГБТ-тематика — это чуть ли не самый частый спорный вопрос. Об этом говорила директор одного из издательств. И в результате отказ от публикации такого контента — это уже не идеологический выбор, а просто экономически рациональное решение».

К., юристка, «Выход»

Таким образом, самоцензура перестаёт быть индивидуальным выбором и превращается в институционализированную норму работы культурных индустрий.

Цензура и самоцензура затрагивают и академическую сферу. Эксперты фиксируют постепенное сужение возможностей для академического изучения ЛГБТ+ тематики в России:

«Снаружи невозможно изучать не из-за запрета, а из-за отсутствия доступа, а изнутри невозможно изучать из-за запрета. То есть отсюда возникает просто запрет на отрасль целую, на дисциплинарное поле, которое практически становится невозможным. Ну, есть исключения, есть трансгендерные исследования. Вот я читаю

Яну Кирей-Ситникову, она пытается это поле держать, пока что умело защищаясь тем, что это не социологическая, а медицинская проблема».

Дмитрий Дубровский, исследователь

Дмитрий Дубровский демонстрирует **двойное ограничение**: с одной стороны, внешние исследователи сталкиваются с невозможностью получения эмпирического доступа, с другой — внутри страны действует прямой или косвенный запрет на развитие соответствующих научных направлений. В результате происходит не просто сокращение отдельных исследований, а структурное вытеснение ЛГБТ+ тематики и гендерных исследований из академического пространства. Сохраняющиеся исключения, такие как трансгендерные исследования, возможны лишь за счёт их переопределения в рамках более легитимных дисциплинарных областей, прежде всего, медицины. Это указывает на вынужденную деполитизацию темы как условие её частичного сохранения в научном поле.

Самоцензура является постоянной стратегией и в повседневной жизни ЛГБТ+ людей. Один из наиболее показательных кейсов — массовое «исчезновение» людей из соцсетей, которое фиксирует Регина Дзугкоева:

«Я могу сказать, что, наверное, 40%, а то и 50% наших благополучателей просто поудалили свои соцсети. Просто даже если там не было ничего такого, всё равно удалили. То есть здесь работает новостная тревожность, кто кого читает, кого-то взламывают, всё это очень пугает людей. Они просто сносят свои соцсети и потом их верифицировать вообще невозможно становится».

Эта цитата наглядно иллюстрирует рост тревоги в сообществе. Массовое удаление аккаунтов становится реакцией на общую атмосферу неопределённости и страха цифрового контроля со стороны государства. Для организаций это создаёт дополнительные сложности: исчезновение цифровых следов существенно усложняет верификацию благополучателей, снижая прозрачность коммуникации и затрудняя обеспечение безопасности как для сотрудников организации, так и для других членов сообщества.

В ситуации, когда государство криминализирует поиск «экстремистской» информации, люди разрывают любые видимые связи с квир- и феминистскими инициативами, минимизируя следы своего присутствия в онлайн-пространствах:

«Лучше не становится, будет даже хуже относительного того, как распространять информацию. Люди, которые раньше достаточно

свободно были подписаны на разные ЛГБТ-организации, сейчас или отписываются, или добавляют в архив, или ещё что-то, потому что распространяется информация, что людей преследуют за подписки на феминистские и квир-группы, могут за это вызвать в полицию».

Наталья, Уральский федеральный округ

Как результат, **ЛГБТ+ организации теряют доступ к части аудитории**, усложняется коммуникация и распространение информации, сложнее становится подтверждать и удерживать благополучателей. В результате организации вынуждены работать в условиях сниженной видимости, фрагментации сообщества и постоянного дефицита проверенных каналов связи, и это ограничивает их способность эффективно оказывать поддержку.

Эксперты фиксируют **сокращение русскоязычной квир-культуры** в условиях цензуры, самоцензуры и блокировок:

«Мне кажется, что русскоязычный сегмент квир-культуры, конечно, сузился».

Наталья, Уральский федеральный округ

В условиях усиливающегося давления внутри страны и сужения возможностей для публичного самовыражения квир-культура всё заметнее смещается за пределы России:

«Очень много квир-культуры живёт за рубежом. То есть уехавшие люди пишут музыку, пишут картины, пишут литературу. Не могу сказать, что это какое-то большое количество действительно заметных произведений, что они вышли за пределы русскоязычного круга слушателей, читателей, зрителей. Но сейчас основное, что можно найти, — это творчество уехавших квиrow».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

В условиях усиления цифровых ограничений **медиапотребление ЛГБТ+ людей приобретает неравномерный характер**, где доступ к контенту всё больше зависит от технических навыков, уровня цифровой безопасности и способности обходить блокировки. Это формирует новую «медиалогику», в которой разные типы платформ оказываются неравноценными с точки зрения доступности и риска.

«По-моему, легче был доступен “Телеграм”, который до сих пор мог работать без VPN, хоть и медленно, и там, соответственно, есть

самые разные группы. Дальше идут социальные сети и “Ютуб”, “ТикТок”, “Инстаграм”, где также есть паблики, где также есть каналы, где есть блогеры, где всё можно довольно легко достать через VPN. Наверное, где-то между — подкаст-платформы, потому что есть подкасты, которые не выходят на таких массовых платформах, как Яндекс, но всё равно доступны без VPN. Часто это не настолько популярный контент, чтобы его заметили. Ну и самое труднодоступное — это сайты с большими статьями, потому что с VPN, с одной стороны, они, конечно, доступны, с другой стороны, они часто могут быть в списках нежелательной для распространения информации».

Роман Поляков, проект «Queerorama»

В ситуации ограничений и блокировок доступ к квир-контенту всё чаще оказывается связан с необходимостью поиска обходных путей для его получения. В этом контексте “Телеграм”, который на момент сбора интервью с экспертами ещё не был заблокирован полностью в России, и VPN-сервисы становятся ключевыми инструментами повседневного доступа к информации и поддержания связи с квир-сообществом. Как отмечает эксперт, именно эти каналы во многом определяют ощущение доступности контента, несмотря на усиливающееся регулирование:

«Знаете, всё примерно доступно, просто всем нужен VPN. В 2025 году всё ещё был “Телеграм”. И “Телеграм” был всё такой же открытый. Мне не кажется, что как-то серьёзно ухудшилась ситуация с доступностью информации именно в 2025 году. Потому что Роскомнадзор достаточно последовательно учит россиян пользоваться VPN. И это вот мы сейчас посмотрим на фоне полной блокировки “Телеграма”, как это сработает, как поменяется охват. Но мне кажется, что доступность не поменялась за 2025 год. Хотя опять же это субъективная оценка».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

Однако важно учитывать, что в последнее время в России усиливаются попытки замедления и ограничения работы “Телеграма”, поэтому дальнейшая устойчивость этой инфраструктуры остаётся неопределённой и может существенно измениться.

Эксперты подчёркивают устойчивость квир-сообщества и появление новых низовых инициатив, небольших онлайн-сообществ, выживание офлайн-пространств и мероприятий. Однако доступ к безопасным пространствам больше не является самоочевидным: участие требует дополнительных проверок, и это повышает порог входа. Причём проверки необходимы с двух

сторон: организаторы вынуждены верифицировать участников, а участники перепроверять, действительно ли пространство или мероприятие открыто для квир-персон. Взаимодействие внутри сообщества всё чаще смещается в сторону закрытых, малозаметных и слабо формализованных форм организации, где безопасность обеспечивается не институционально, а через личные связи и постоянную верификацию.

«Низовые проекты и инициативы появляются. Я по долгу своей службы как-то о них узнаю. Узнаю в том числе от героев, с которыми общаюсь. Но обычно это онлайн-пространства, совсем небольшие, малозаметные. Какие-то истории, которые объединяют людей в группы, в маленькие медиа, в маленькие болталки. Наверное, есть и другие инициативы, которые мне отсюда не видны из-за границы. Но да, низовая инициатива есть, новые проекты продолжают появляться и строиться».

Роман Поляков, проект «Queerorama»

«Если говорить про низовые инициативы и физические пространства, они есть, конечно. Не всегда они явно говорят об этом, не так, как раньше. Онлайн-мероприятий тоже достаточно много за последний год начали организовывать. Есть разные книжные клубы, какие-то, возможно, другие движухи онлайн, где тоже можно прийти и чувствовать себя в безопасности, говорить открыто о своём опыте. Ну, конечно, это высокий уровень верификации обычно всегда, не так, как раньше».

Наталья, Уральский федеральный округ

«Какие-то тусовки, конечно, есть. Есть среди них квир-френдли, транс-френдли и так далее. Просто приходится уточнять каждый раз, насколько это френдли, насколько это будет безопасно».

Евгений Журавлёв, «Центр Т»

В целом наши данные показывают, что в 2025 году квир-культура в России существует в условиях комплексного давления, где цензура и самоцензура становятся встроенными механизмами организации культурного производства и повседневных практик. Государственный контроль смещается в сторону превентивного регулирования, что стимулирует институционализацию самоцензуры в издательской и медийной сферах, а также формирует экономически рациональные стратегии отказа от публикации квир-контента. ЛГБТ+ исследования становятся фактически невозможными. Все эти процессы усиливают атмосферу тревоги и давления среди ЛГБТ+ людей, приводя к разрыву социальных связей и усложнению работы ЛГБТ+ организаций, которые теряют устойчивые каналы коммуникации с благополучателями.

Доступ к информации и участию в сообществе становится неравномерным и всё больше зависит от цифровых навыков и практик обхода блокировок. При этом, несмотря на снижение публичной видимости квир-культуры, эксперты фиксируют сохранение и даже возникновение новых микросообществ и инициатив.

Влияние международных политических процессов на ЛГБТ+ людей

В 2025 году война и глобальный правый поворот формируют для ЛГБТ+ людей в России **парадоксальную ситуацию**: с одной стороны, усиливается необходимость и мотивация уехать из России, а с другой стороны, сам процесс эмиграции становится всё более сложным, медленным и институционально зависимым.

Эксперты фиксируют не только рост давления внутри страны, но и изменение самой логики возможностей выезда. Война становится ключевым переломным моментом, который одновременно усиливает мотивацию к эмиграции и расширяет доступные маршруты. На этом фоне формируется новая оценка миграционной ситуации, в которой прежняя закрытость сменяется более сложной и неоднородной системой «возможных выходов». Именно эту амбивалентность подчёркивает следующий фрагмент интервью:

«Война дала новые возможности для выезда, давайте скажем честно. Война дала новые возможности для выезда, а давление на ЛГБТ-сообщество создало дополнительные шансы выезда. Раньше вообще не было гуманитарных виз, и получить ВНЖ было крайне сложно. Основания были какие? Никаких, если тебя по этому поводу дважды не избили в полиции. Это были индивидуальные

кейсы. Война привела к тому, что, не скажу, что двери открылись шире, просто дверей стало больше. Поэтому достаточно много людей уехало. Гораздо больше, чем до войны уезжало. Ну и повод появился, конечно. Санкции относительно перелётов есть, есть проблемы, но эти все проблемы решаются. Это не является непреодолимым препятствием к тому, чтобы покинуть страну».

Сергей, юрист, «EQUAL PostOst»

При этом, несмотря на зафиксированное расширение возможностей для выезда в первые годы войны, эксперты подчёркивают, что к 2025 году ситуация заметно изменилась в сторону усложнения. На первый план выходит не столько наличие формальных оснований для эмиграции, сколько **доступ к инфраструктуре выезда**: визам, юридической поддержке и устойчивым маршрутам. Усиление ограничений со стороны европейских стран, рост числа отказов и увеличение сроков рассмотрения заявлений приводят к снижению спонтанной эмиграции и формируют более осторожные и стратегические подходы к отъезду.

«Люди продолжают обращаться с вопросами, связанными с эмиграцией. Да, поток стал меньше, потому что возможностей стало меньше, потому что на виду истории с отказами. Сейчас можно поехать и запросить беженство напрямую, например, в Испании, Франции и ряде других стран, но для этого нужно иметь визу этой страны. Получить её часто сложно. Знаю истории людей, которые пробовали много раз и получали отказы, находясь в России. Один из способов — это гуманитарные визы. Сейчас, насколько я понимаю, осталась только Франция с гуманитарными визами. В этом смысле знаю много кейсов, когда Франция отказывает или когда люди ждут годами решения. И по сути гуманитарная виза довольно короткая, она действует несколько месяцев и даёт право приехать и сразу запросить беженство. Это нельзя сделать дистанционно. Если люди готовы куда-то ехать, они хотят ехать с уверенностью, что их не вернут обратно, что им не откажут. Они готовы вкладывать деньги и силы в подготовку кейса, они ищут юристов внутри России, которые помогут им собирать кейсы, они ищут помощи для составления маршрутов, чтобы попасть в безопасную страну без визы, какими-то обходными путями, оказаться на границе и запросить убежище. Из-за того, что в медиа видны истории, как отказывают людям в беженстве в разных европейских странах, у людей всё меньше уверенности в том, что Европа их будет защищать. Но запрос остаётся, просто сели и полетели наобум — вот такого запроса нет. Во-первых, потому

что это практически невозможно, во-вторых, потому что всех тех, кто готов был сорваться в моменте и разруливать вопросы на земле, практически не осталось. Остались те, кто медленно и потихоньку пытается организовать для себя безопасный отъезд. Что с каждым годом, а может, и месяцем, сложнее, если смотреть на то, как какие-то страны, как, например, Германия, прекращают выдавать гуманитарные визы россиянам фактически. В общем, это всё становится всё более сложным вопросом, но запрос есть, способы есть, но это всё сложнее».

Роман Поляков, проект «Queerorama»

Эксперты обращают внимание на **усиление повседневной милитаризации внутри страны**. Речь идёт не только о формальных механизмах призыва, но и о расширении неофициальных практик мобилизации, сопровождающихся усилением государственной пропаганды и социального давления. Эти процессы затрагивают широкие группы населения, однако для ЛГБТ+ людей они приобретают особую остроту, поскольку пересекаются с уже существующей уязвимостью и усиливают контроль со стороны семьи, образовательных институций и государства. Именно этот контекст «невидимой мобилизации» и его влияние на квир-персон раскрывается в следующем фрагменте интервью:

«Продолжается мобилизация, просто она неофициально объявлена; такая невидимая мобилизация происходит разными путями, таргетируют людей по-разному, но тем не менее это происходит. Это в том числе направлено на студентов, это популяризация в целом милитаризма, популяризация армии, всё это продолжается, это влияет на разные совершенно сообщества, это влияет также на квир-персон. И в прошлом году мы видели влияние этого, в том числе на уровне государственной пропаганды. Это влияет на квир-персон, особенно тех, которые живут с гендерным маркером «М» в своих документах, на них очень часто оказывается давление, вне зависимости от того, как они себя позиционируют, со стороны родственников, со стороны семьи довольно часто, со стороны администрации университетов. Призывы “Служите, защитите Родину” и так далее, вот эти все призывы, как мы видим из обращений за помощью, ещё больше усилились. Они росли, а в 2025-м году этот тренд продолжился, и он оказывает большое влияние на жизнь квир-персон».

Роман Поляков, проект «Queerorama»

В ряде случаев давление на людей принимает форму прямого административного или физического воздействия, включая **попытки вынудить к подписанию**

военных контрактов под угрозой уголовного преследования или иных санкций. При этом важно, что подобные практики не всегда напрямую связаны с сексуальной ориентацией и/или гендерной идентичностью, но ЛГБТ+ люди оказываются в зоне риска из-за общей уязвимости.

«Зафиксированы требования заключить контракт на военную службу под угрозой возбуждения дел по экстремистским статьям или с применением физического насилия. В четырёх случаях такое давление привело к фактическому подписанию контракта. Встречаются случаи, когда ЛГБТ+ персоны приходят с жалобами на то, что на них оказывают давление для подписания военного контракта, но не в связи с их СОГИ, то есть СОГИ не известны сотрудникам, но давление есть. Были случаи, когда подставные свидания использовались для оказания давления на человека, чтобы тот подписал военный контракт. Случаи, когда подставные свидания сотрудниками полиции организовывались. Они берут человека и дальше используют его уязвимость для чего-нибудь: “денег дай, других ЛГБТ-людей укажи, скажи, где они собираются, подпиши контракт”».

К., юристка, «Выход»

Таким образом, международные политические процессы оказывают комплексное и противоречивое влияние на жизнь ЛГБТ+ людей в России в 2025 году. Война, с одной стороны, действительно расширила спектр миграционных сценариев и легитимизировала запрос на убежище, однако в сочетании с глобальным ужесточением миграционной политики она же привела к усложнению доступа к этим возможностям, превратив эмиграцию в длительный, ресурсозатратный и неопределённый процесс. Одновременно с этим внутренняя милитаризация и усиление пропаганды создают дополнительные формы давления, особенно на гендерно-неконформных людей и тех, кто формально подпадает под призывные категории. В результате ЛГБТ+ люди оказываются в ситуации постоянного противоречия, где рост угроз внутри страны сочетается с сокращением доступности внешней защиты, формируя состояние затянувшейся нестабильности.

Состояние правозащитного сектора

В 2025 году правозащитный сектор в России **продолжает переживать затяжной структурный кризис**, связанный с разрушением прежних организационных, финансовых и коммуникационных основ.

Значительная часть правозащитников либо эмигрировала, либо утратила возможность полноценно работать внутри страны, разрушились многие профессиональные связи.

«Я так понимаю, не я один, кто утратил прежние контакты, у кого очень сильное эмоциональное выгорание, кто тяжело и долго выходит из депрессии. А разрушение контактов в России приводит к непониманию, что мы делаем вообще».

Сергей, «EQUAL PostOst»

Проблема разрыва уехавших правозащитников и оставшихся в России ЛГБТ+ людей и активистов усиливается с каждым годом.

«Я бы сказала, что я вижу определённый разрыв эмоционально-информационный, который появляется среди тех, кто находится в повестке так называемых независимых оппозиционных медиа, пишущих про то, как страшно жить в России, и людей, которые живут в России, условно, например, не читают те же самые медиа или читают более выборочно, но при этом находятся в прямом контакте с людьми».

Наталья, Уральский федеральный округ

При этом, говоря о потребности **в объединении и коллаборации**, эксперты сходятся в том, что эта **потребность существует**. Причём те, кто находится в России, говорят о том, что такое объединение происходит среди оставшихся в стране:

«Я вижу, что есть потребность в объединении, она политически реализуется в совместных действиях, есть потребность во встречах офлайн, не только в онлайн, чтобы посмотреть друг на друга, увидеть, что это за выжженное поле, на котором ещё есть кто-то. Да, я бы сказала, что есть потребность в объединении, и люди объединяются, помогают друг другу».

Наталья, Уральский федеральный округ

В то же время уехавшие правозащитники также описывают опыт объединения среди тех, кто вынужден работать за рубежом, подчёркивая, что разрыв с теми, кто остаётся в России, неизбежно растёт:

«Я вижу кооперацию у организаций, которые работают за пределами России. То есть даже то исследование, которое вы сейчас проводите, — это совместное исследование “Выхода” и “Сферы”. Это пример классной коллаборации. В 2025 году в июне во Франции проходил квир-фестиваль, куда приехало очень много людей из разных организаций. И люди объединяются, находятся на одних площадках. Мы с коллегами по медийной части тоже стараемся друг друга поддерживать, репостить, совместные материалы делаем. При этом пропасть между теми, кто уехал, и теми, кто остался, продолжает расти. Мы всё больше друг от друга отдаляемся, мы всё больше друг друга не понимаем, не слышим. Мы крайне редко видимся. То есть даже вот этот фестиваль, о котором я говорю, там были люди из России, которые продолжают жить в России. Но что можно понять про жизнь в России, общаясь с этими людьми всего пару дней раз в году? И эта пропасть становится всё больше, и поэтому эти коллаборации как бы есть, но хотелось бы больше, а это невозможно, потому что у нас не то чтобы разные цели... Глобальная цель у нас одна, но в моменте какие-то болевые точки у нас разные».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Правозащитница, остающаяся в России, подчёркивает, что кооперация осложняется невозможностью проводить совместные мероприятия, приглашать коллег и выезжать за рубеж из-за визовых ограничений, дороговизны поездок в текущих обстоятельствах:

«Из-за таких вещей, как визовый режим в Европе, трудности для получения визы для россиян, ограничения внутри России, мы не можем к себе партнёров сейчас пригласить, это очень высокие

риски. Возможно, кооперация осталась, но её же надо поддерживать совместными проектами, совместными мероприятиями и так далее. Я перестала ездить за границу практически. Я езжу только по внутренним делам нашей организации. Хотя я подаю заявки регулярно, меня мало приглашают. Другие мои коллеги ездили, но, опять же, нечасто. Этот обмен для нас, по крайней мере, продолжается, но он очень сильно сократился, потому что вывозить людей из России сейчас супердорого. Не у всех есть виза, не у всех есть доступ к визе. Эту визу очень сложно сейчас получить».

Наталия Д., ЮФО, гражданская активистка

После разрушения офлайн-инфраструктуры значительная часть правозащитной деятельности уходит в онлайн. Однако это сопровождается **потерей непосредственного контакта с благополучателями**.

«Уезжая из страны, теряешь некий контакт с тем, что происходит. Это чувство постоянной опасности или, скорее, чувство постоянной небезопасности и того, что пространство схлопывается, ты его теряешь, безусловно. Ты можешь понимать разумом, но ты это больше не чувствуешь. Поэтому, безусловно, очень важно сохранять этот контакт с людьми на земле, просто потому что они тебе дают некую сверку часов и понимание того, что происходит, насколько это всё страшно. Потому что, опять же, мы говорим о том, что для людей из России доступ к информации становится всё уже. И при этом для тех, кто уехал, для всех, кто существует вне России, доступа к информации о том, что происходит внутри, тоже всё меньше. То есть та информация, которая исходит из России, всё более лимитирована».

Диля Гафурова, руководительница фонда «Сфера»

Коммуникация становится одной из центральных проблем сектора, причём это обоюдоострая проблема: сложнее и распространять свою повестку тем, кто остаётся в России, и получать обратную связь, **доступ к актуальной информации** о том, что происходит в стране.

«Становится всё сложнее находить респондентов для интервью, опросов, прочего взаимодействия. Становится всё сложнее получать обратную связь из России. С одной стороны, это усложняется из-за проблем с интернетом. С другой стороны, из-за усиления страха у людей. Появляется всё больше дел, в которых

штрафы и привлечения [к ответственности] могут быть уже где-то за лайки, где-то за личные переписки. Это разовая история, это не всегда связано с ЛГБТ. Это не всегда происходит так, как кажется на первый взгляд. То есть лайки обнаружены в досматриваемом телефоне, личные переписки обнаружены также в досматриваемом телефоне, как это было на Северном Кавказе. Но это попадает в заголовки именно в таком формате и вызывает большой страх у всех. Поэтому основной челлендж — это коммуникация».

Роман Поляков, проект «Queerorama»

Есть и альтернативная точка зрения на проблему разрыва уехавших и оставшихся: разрыв действительно существует, но его масштаб и последствия не стоит абсолютизировать. Скорее, речь идёт о частичной реконфигурации взаимодействия, где устойчивость системы помощи обеспечивается за счёт цифровых каналов, перераспределения доверия и продолжающегося обмена информацией, пусть и с определёнными искажениями.

«Разрыв в информированности между уехавшими организациями, которые предоставляют помощь ЛГБТ+ людям в России, и сообществом есть, но он не так велик. Люди обращаются за поддержкой к тем, у кого есть ресурс её оказывать, в том числе к тем, для кого не так остро стоит вопрос их собственной безопасности. Кроме того, коммуникация, кроме редких офлайн-мероприятий, всё равно так или иначе происходит онлайн. Зачастую люди даже предпочитают обратиться к тем, кто находится вне контроля властей РФ, из соображений информационной безопасности. Из обращений за помощью, которых могут быть десятки в день, и в процессе её предоставления специалистами, уехавшие организации получают объёмное и прямое представление о ситуации в России. Есть некоторая односторонность в том смысле, что известно становится, скорее, о ситуациях, в которых могут возникнуть или возникли сложности, и об успешном или неуспешном их разрешении. Из поля зрения выпадает, скорее, та часть жизни, когда, например, удаётся спокойно проводить офлайн-активности без реальных или предполагаемых проблем».

К., юристка, «Выход»

Ключевым структурным переломом для правозащитного сектора становится исчезновение привычных источников финансирования, особенно связанных с США.

«Политика Трампа очень сильно повлияла. Главное — это вопрос денег для правозащитников: не стало американских грантов или они были урезаны, и это очень сильно ударило по работе российских ЛГБТ-организаций. Не секрет, что многие получали гранты через USAID, и люди остались без этих денег. Это привело к сокращению сотрудников, к закрытию некоторых организаций или отдельных направлений. Мы видим, как в 2025 году почти исчезла помощь в эвакуации».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Кроме того, **помощь с эвакуацией ЛГБТ+ людей из России, оказавшихся в экстренной ситуации, осложняется кризисом миграционной политики:**

«И эвакуировать становится почти некуда, потому что те страны, которые выдавали гуманитарные визы, перестают выдавать их. Мы знаем, что Германия приостановила выдачу гуманитарных виз. Мы знаем, что Франция стала гораздо реже их давать. Испанская программа закрылась: её протестировали, она провалилась, и власти Испании сказали, что всё, не будет никаких гуманитарных виз. Единственное, что остаётся, — это действительно [уезжать] с помощью других виз, с помощью учёбы, работы, ещё как-то эмигрировать. Но это очень тяжело и ресурсозатратно».

Мария Лацинская, журналистка, ведущая шоу «Блёстки и карабины»

Кризис, с которым сталкивается правозащитный сектор в 2025 году, не сводится исключительно к сокращению ресурсов. Если ранее существовала относительно устойчивая и институционализированная система финансирования, включавшая не только сами гранты, но и инфраструктуру их безопасного распределения, то теперь организации оказываются в ситуации, когда им необходимо одновременно искать новые источники средств и заново выстраивать механизмы их получения и использования. Это означает рост транзакционных издержек, повышение рисков и необходимость постоянного объяснения своей организационной логики новым донорам, которые не всегда учитывают ограничения, в которых работает российский правозащитный сектор.

Дополнительное измерение этого кризиса связано с его символическими последствиями. **Ослабление международной поддержки** становится не только практической проблемой, но и важным элементом политического и идеологического контекста. Оно переинтерпретируется государством как свидетельство несостоятельности правозащитных организаций и используется для усиления стигматизирующих нарративов. Это, в свою очередь, влияет не

только на внешнее восприятие сектора, но и на его внутреннее состояние: усиливает неопределённость, подрывает мотивацию и формирует кризис смыслов внутри самих организаций.

В этом контексте одна из эксперток описывает происходящие изменения следующим образом:

«Когда произошла ситуация в США с USAID, это не просто денег стало меньше. Это произошло одновременно с правым поворотом в политике США и возросшей усталостью в Европе от нагрузки из-за войны. И в результате получился такой структурный поворотный момент. Во-первых, стало меньше денег, это понятно. Во-вторых, выход USAID повлёк за собой потерю финансовой инфраструктуры безопасности. Все эти денежные потоки были защищены институционально, политически, юридически. Была инфраструктура, как получить деньги и не подставить благополучателей и специалистов. А когда эта инфраструктура финансовая ушла, организациям пришлось одновременно искать и новые источники финансирования, и новые безопасные способы. Можно найти много новых доноров, но тебе ещё придётся им объяснить, почему ты так работаешь, почему у тебя нет той прозрачности, к которой они привыкли. А вот это уже гораздо более системная проблема.

Кроме того, уход USAID имел символический вес. Российские власти получили возможность для новой пропаганды. Мол, власти США переосмыслили свои приоритеты и прекратили финансировать все эти НКО. Права ЛГБТ предъявляются в пропаганде как западный эксперимент, который провалился. Кроме того, ослабилась внешняя поддержка, и это позволило официальной пропаганде усилить позиционирование НКО как зависимых, несостоятельных. Это как бы подчёркивает их неэффективность и бессмысленность их работы. И внутри НКО это тоже воспринимается так. Оно создаёт ощущение неопределённости, неуверенности. Это кризис смыслов, потому что у тебя забрали деньги, тебе сказали, что ты не нужен. Это создаёт психологически тяжёлую атмосферу, влияет на мотивацию, на самовосприятие, на долгосрочную устойчивость».

К., юристка, «Выход»

В целом состояние правозащитного сектора в 2025 году характеризуется как многослойный структурный кризис, в котором одновременно разрушаются организационные, финансовые, коммуникационные и символические основа-

ния его работы. Значительная часть правозащитников либо вынужденно эмигрировала, либо лишилась возможности полноценно действовать внутри России. Это сопровождается эмоциональным истощением и снижением возможностей для координации и кооперации.

Усиливается различие в повседневном опыте и условиях работы между теми, кто находится в России, и теми, кто действует за её пределами, однако это различие не приводит к разрыву взаимодействия. Скорее, формируются разные режимы восприятия ситуации, которые сосуществуют в рамках общей задачи и регулярно сопоставляются через постоянную коммуникацию и координацию. Несмотря на объективные ограничения, участники сектора сохраняют рабочие связи и объединяются даже в условиях ограниченных ресурсов и разности контекстов.

Отдельным структурным переломом становится трансформация международной поддержки, а также кризис финансирования, который не ограничивается сокращением ресурсов, но включает в себя разрушение прежней «инфраструктуры безопасности» финансирования и усложнение взаимодействия с новыми донорами.

Таким образом, правозащитный сектор в 2025 году оказывается в состоянии, где кризис ресурсов перерастает в кризис устойчивости и смыслов.

Прогнозы на 2026 год

Все эксперты, с которыми мы поговорили в этом году, **сходятся в пессимистичных прогнозах на 2026 год**: никто не видит вероятности для улучшения ситуации для ЛГБТ+ людей в России и в целом для стабилизации политической ситуации в стране и мире.

«Ничего хорошего не будет. Не вижу я хороших сценариев. Ни для России в целом, ни для ЛГБТ-сообщества в России».

Сергей, «EQUAL PostOst»

«Я думаю, что будет только хуже. Никакого оптимизма тут нет».

Татьяна Калинина, экспертка в области защиты прав женщин и квир-людей

«Я думаю, что репрессий будет больше, цензуры будет больше, новостей будет меньше. Я пока не вижу каких-то улучшений».

Итиль Тёмная, проект «Преступление 6.21»

Таким образом, среди экспертов формируется консенсус, где будущее не содержит варианта улучшения, а различается только интенсивность ухудшений. Часть экспертов предполагают не усиление кризиса, а его фиксацию:

«Я не думаю, что что-то будет ухудшаться, я не думаю, что что-то будет улучшаться, по-моему, мы в таком стазисе находимся, мы все, так сказать, повисли в этом состоянии».

Дмитрий Дубровский, исследователь

Некоторые эксперты говорят о потенциальном расширении репрессий, использовании гибких правовых категорий в дискриминационном законодательстве для преследования новых категорий людей:

«Ведь предыдущий 25-й год тоже нам показывал, что эти репрессии как будто изобретают новую цель для себя. И бьют по этой цели».

Татьяна Калинина, экспертка в области защиты прав женщин и квир-людей

«Мне кажется, точно не будет лучше, потому что само наличие дискриминационных законов, даже если они массово не применяются, даёт очень большое поле для злоупотреблений. А ещё принятые законы и вся политика внутренняя, направленная против ЛГБТК-персон, может влиять на нашу жизнь даже тогда,

когда мы не видим прямой связи. Это, мне кажется, и на обычных людей повлияет на самом деле, и на качество их жизни это повлияет, потому что это дискриминационные законы, которые не должны существовать в нормальной ситуации, в нормальном государстве».

Наталия Д., ЮФО, гражданская активистка

Одним из ключевых сюжетов экспертных прогнозов на 2026 год становится возможная блокировка мессенджера “Телеграм” как центрального канала коммуникации и доступа к информации для ЛГБТ+ сообществ и помогающих организаций. В интервью “Телеграм” описывается не просто как мессенджер, а как основная инфраструктура обращения за помощью и распространения квир-информации, особенно после ограничения других платформ. В этой логике его потенциальная блокировка воспринимается экспертами как событие, способное существенно сузить уже и так ограниченное информационное пространство и усложнить доступ к поддержке.

«С учётом того, что теперь заблокирован “Телеграм”, а у многих организаций обращения [принимаются] именно через телеграм-боты, это всё очень плохая тенденция».

Катя, руководительница программы правовой помощи, «Сфера»

«Я думаю, что уровень репрессий будет примерно на том же уровне, что в 2025-м. Я боюсь, что мы станем ещё меньше о них слышать. И что касается доступности информации, в 2026-м году мы все ждём полной блокировки “Телеграма”. А это сейчас главный проводник квир-информации после блокировки “Инстаграма”. И это очень сильно ударит по доступности помощи и информации».

Ярослав Распутин, гей-активист, журналист, блогер

Пока мы проводили интервью с экспертами в начале 2025 года, появилась информация о том, что российские суды рассмотрят иски Минюста о признании правозащитных организаций «Выход» и «Российская ЛГБТ-сеть» экстремистскими. В начале марта суды удовлетворили иски Минюста. Эти события повлияли на прогнозы экспертов на текущий год, поскольку объявление конкретных организаций экстремистскими может усилить риски для тех, кто продолжает сотрудничество с ними, а также отразиться на готовности ЛГБТ+ людей в России обращаться к ним за помощью.

«Признание экстремистами “Выхода” и “ЛГБТ-сети” повлияет, например, на количество обращений: часть людей внутри России будут опасаться обращаться за помощью в организации с токсичным статусом, но вряд ли это повлечёт за собой то, что люди не будут читать материалы, просто вообще забудут об этом одним днём, вряд ли, конечно. Возможно, они не будут подписаны

и будут другим способом это всё читать, заходить, просто чтобы не было никаких следов от них цифровых».

Татьяна Калинина, экспертка в области защиты прав женщин и квир-людей

Кроме того, эксперты прогнозируют, что миграционный кризис будет усугубляться, сокращая возможности для эмиграции, эвакуации людей и помощи тем, кто уже покинул Россию:

«Миграционный кризис только набирает, кажется, обороты. И всё сложнее людям помогать, когда они уже уехали. Квоты сокращаются у стран, с которыми мы работаем, для беженцев. Поэтому прогнозы не самые радужные».

Люся Штейн, «СК СОС»

В целом экспертные прогнозы на 2026 год создают консолидированную пессимистическую картину, где возможно либо продолжение уже сложившегося кризиса в режиме стагнации, либо его постепенное усиление через расширение репрессивных практик, рост правовой неопределённости и усиление контроля над информационной и правозащитной средой. Подчёркивается не только возможное ухудшение условий, но и закрепление уже существующих ограничений как новой нормы, в которой риски становятся повседневными и системными. Эксперты предполагают, что продолжатся процессы сужения публичного и цифрового пространства, сокращения доступа к информации и помощи.

Заключение

Результаты нашего исследования позволяют говорить о том, что 2025 год стал этапом закрепления и нормализации репрессивной системы в отношении ЛГБТ+ людей в России. Произошёл переход от шоковой реакции на события 2024 года к состоянию «рутинизированной катастрофы», при которой давление, страх и ограничения становятся повседневной нормой, а публичность и видимость сокращаются. Репрессивное законодательство окончательно оформилось как универсальный инструмент контроля: его применение носит произвольный и расширительный характер, охватывая как публичную, так и частную сферу.

Параллельно разрушается сама инфраструктура ЛГБТ+ сообщества, а его жизнь всё больше уходит в подполье. Квир-пространства закрываются или вынужденно маскируются, офлайн-мероприятия практически исчезают, а даже приватное общение в мессенджерах становится рискованным. При этом уменьшение заметных репрессий, таких как рейды или административные дела, не означает смягчения политики, а, скорее, отражает рост самоцензуры и адаптацию людей к угрозам. Цензура в этих условиях меняет характер: она всё чаще работает на опережение, заставляя избегать потенциально опасных тем и формируя более жёсткий контроль над культурным и информационным пространством.

Социальная среда становится более враждебной и небезопасной. Насилие на почве ненависти сохраняется на высоком уровне под влиянием общей милитаризации и нормализации агрессии в российском обществе. При этом у ЛГБТ+ людей фактически отсутствует доступ к защите: обращение в правоохранительные органы связано с риском дополнительного преследования. В этих условиях доносы и угрозы доносами превращаются в повседневный инструмент давления.

Отдельные группы внутри сообщества оказываются в ещё более уязвимом положении. Трансгендерные люди сталкиваются с системными барьерами в доступе к медицине, правосудию и занятости. ЛГБТ+ семьи и подростки живут в условиях повышенного контроля, самоцензуры и риска аутинга.

Экономическое положение ЛГБТ+ людей можно описать как «двойную нагрузку»: общие экономические трудности сочетаются с дополнительными издержками на безопасность и подготовку к возможной эмиграции. Параллельно с этим трансформируются сферы занятости и образования, где усиливается логика институционального страха, а сама ЛГБТ+ идентичность начинает восприниматься как риск для организаций или институций. Это приводит к дальнейшему вытеснению ЛГБТ+ людей из профессионального пространства.

Правозащитный сектор, в свою очередь, переживает глубокий структурный кризис: прежние формы координации, финансирования и солидарности

существенно трансформировались и частично ослабли, усиливается различие в опыте и условиях работы между акторами внутри страны и за её пределами, а кризис ресурсов перерастает в кризис устойчивости и смыслов. Несмотря на это, сохраняются низовые формы самоорганизации и взаимной поддержки, которые становятся важным, хотя и ограниченным ресурсом выживания.

Экспертные прогнозы на 2026 год отражают консенсусный пессимизм: ожидается либо дальнейшее усиление репрессий, либо их закрепление на текущем уровне. Таким образом, текущее положение ЛГБТ+ людей в России можно охарактеризовать как устойчивую систему многослойной уязвимости, в которой правовые, социальные, экономические и институциональные ограничения взаимно усиливают друг друга.

Положение ЛГБТ+ людей в России в 2025 году: Оценка правозащитников. – Сфера; Выход, 2026. – 68 с.

Текст: Нина Павлова

Редактура: Май

Дизайн обложки: konvans

Дизайн и верстка: Рейн Целлариус

Мы благодарим всех принявших участие в исследовании, а также всех тех, кто участвовали в выпуске этой брошюры.

По соображениям безопасности мы не можем упомянуть всех.

 ВЫХОД

 сфера